

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НОМО INSTITUTIUS

ЧЕЛОВЕК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ

Под редакцией
доктора экономических наук
О.В. Иншакова

Волгоград 2005

ББК 60.560

X76

*В оформлении обложки
использована картина Рене Магритта «Трансфер»*

X76 **Homo institutus** – Человек институциональный : [моно-
графия] / под ред. д-ра экон. наук О.В. Иншакова. – Волго-
град : Изд-во ВолГУ, 2005. – 854 с.

ISBN 5-85534-985-3

В книге впервые в отечественной науке на базе междисциплинарного синтеза рассматривается феномен «человек институциональный», раз-виваются методологические основы его познания; предлагаются критерии и новые подходы к формализации социального содержания акторов и их окружения. Раскрывается как специфика исторического генезиса, так и актуальные характеристики бытия институциональных агентов, способы отражения анализируемых понятий в лингвистических системах.

Авторы предлагают комплексно осмыслить статус человека, выя-вить его онтологические, гносеологические и экзистенциальные проти-воречия, определить направления интеграции гуманитарных наук на современном этапе в исследовании этого объекта.

Дискуссионный характер затрагиваемых проблем определяет ши-рокие рамки аудитории, которой адресована книга, представляющая ин-терес для специалистов, работающих в различных отраслях обществен-ных наук, студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних учебных заведений.

ББК 60.560

ISBN 5-85534-985-3

© Коллектив авторов, 2005

© Издательство Волгоградского

государственного университета, 2005

ВВЕДЕНИЕ

Образование Отделения общественных наук в Российской академии наук в 2001 г. стало своего рода институциональным рубежом, закрепившим стремление к междисциплинарной интеграции в отечественной науке. Это отразило наличие необходимых концептуальных и методологических предпосылок многогранного «высвечивания» сущности центрального объекта гуманитарных исследований – человека.

Обращение к человеку вызвано прежде всего закрепившимся игнорированием его значимости как субъекта и объекта всех хозяйственных процессов, принимающего на себя испытания и достижения, стрессы и «шоки» любых социально-экономических трансформаций.

Замысел предлагаемой книги вызревал постепенно. Интенсивные продвижения в разработке основ институциональной экономики, проведенные группой ученых ЦЭМИ РАН под руководством академика Д.С. Львова, спровоцировали целый ряд вопросов, ответов на которые было великое множество, но ощущения ясности они не приносили. Среди них: в чем отличие институтов от организаций? Допустимо ли, вслед за Д. Нортон, отождествлять институты с «правилами игры», а организации – с «командами игроков»? Можно ли считать институты тождественными нормам, законам и контрактам или же последние суть атрибуты, инструменты и продукты их реализации? Чем институциональный субъект отличается от институционального агента, а он, в свою очередь, – от экономического актора? Каков институциональный механизм функционирования и развития экономики?

Уточняя в 2003 г. методологический аспект своей концепции, Дж. Ходжсон определяет институты «в основном как долговечные системы сложившихся и укорененных правил, которые придают структуру социальным взаимодействиям» (Ходжсон, 2003, с. 11), что также способствует расширительной трактовке данного термина и вульгарному его использованию. Он развивает свою мысль следующим образом: «Короче говоря, институты суть системы социальных правил. Термин “правило” здесь трактуется в широком смысле, как предписание или установка в ситуации *X* делать *Y*. Тем самым сюда включаются как нормы поведения и социальные конвенции, так и юридические и формальные правила. По своей природе институты должны основываться на некоторых общих концепциях – только тогда правила будут действительными. Языковые, денежные, правовые системы, системы мер и весов, правила дорожного движения и поведения за столом, а также фирмы (равно как и все прочие организации) – все это институты» (там же, с. 11–12).

Но не кажется ли абсурдным предлагаемый вывод? Ведь далеко не все, что так или иначе упорядочено, можно рассматривать в качестве институтов. Скорее, все это можно отнести к сфере действия институтов – прямого или косвенного, непосредственного или опосредованного другими факторами и продуктами общественного бытия. Приняв же точку зрения Дж. Ходжсона в качестве методологически верной и распространяя ее на всю «картину» общественной жизни, можно прийти к парадоксальным выводам. Доводя ситуацию до гротеска, допустимо определить трудящегося как все, что так или иначе связано с трудом, неправомерно «синтезировав» в этом понятии предметы и орудия, продукты и эффекты, субъектов и факторы трудовой деятельности. Тогда трудящийся – это топор и автомобиль, дом и лесопосадка, рантье и семейный бюджет, завод и книга, штатное расписание и замочный ключ... Аналогично поступают многие современники, расширяя понятие института до пределов предметного мира общественного бытия.

Длительная работа над теорией эндогенных факторов производства привела к выделению в их числе институции как социальной формы возникновения, типизации, закрепления и осуществления функций хозяйственными субъектами. Результаты переосмысления сути отдельных элементов категориального ряда ин-

ституциональной и эволюционной теории, взаимосвязей между ними легли в основу уже опубликованного исследования «Институционализм в российской экономической мысли» (Иншаков, Фролов, 2002). В нем была освещена тысячелетняя эволюция институциональных идей, понятий, проектов и решений, ставших основой формирования особого научного направления в нашей стране. Начиная с условного момента зарождения (862 г.) и до все еще продолжающегося «бума» современных институциональных исследований была дана периодизация процесса становления и развития этого научного направления. С привлечением значительного массива первоисточников было доказано, что российский институционализм в последней трети XIX века дифференцировался, образовав несколько во многом пересекающихся направлений – политэкономическое, философско-хозяйственное, юридическое, политологическое, социологическое, историческое и др. Выдвинутая методологическая основа институционального анализа нашла интерпретацию посредством привлечения масштабного лингвистического аппарата, позволившего выявить типовую конструкцию обозначения институциональных понятий в русском языке. Эти исследования показали, что институциональность пронизывает все сферы человека и общества. Следовательно, усилиями многих общественных наук только и возможно создавать поистине многогранный портрет «человека институционального».

Предлагаемая книга задумывалась как попытка преодоления «растерянности умов» перед феноменом *homo institutus*, этого центрального объекта институционализма, как стремление описать его бытие посредством разнообразных институций и институтов, ставших реальными продуктами эволюции человеческого общества в бесконечном многообразии ее форм и проявлений.

При этом представлялось нецелесообразным искусственно ограничивать круг авторов в рамках институционального направления одними экономистами, тем более, что обособление данной профессиональной группы ученых можно связать лишь со второй половиной XIX столетия. Конечно, хотелось избежать и крайности «впадения в эклектичность», поскольку реальное богатство содержания институционального фактора отражается не только в трудах ученых (экономистов, историков, правоведов, политологов, социологов, культурологов, философов и т. д.),

но и в работах публицистов, писателей и др., охватить которые не в состоянии, пожалуй, ни одно исследование.

Наиболее развернутыми системами категориального отражения институционального устройства общества традиционно обладают социология, экономическая теория и юриспруденция, черпающие эмпирический материал из истории и актуальной реальности. Существенные различия в категориальных системах этих наук мешают созданию полной институциональной концепции. Настало время «движения навстречу друг другу» в русле интеграции наук об обществе для преодоления разобщенности сформировавшегося конгломерата институциональной теории, перехода к системности представлений об институтах общества от односторонности в их исследовании.

Так утвердилась идея осуществления междисциплинарного исследования в контексте проблем институциональной теории. На выбор его объекта натолкнули также публикации оригинальных работ Г.Б. Клейнера и Б.А. Ерзнкяна, в которых использовался теоретический конструкт «человек институциональный» (*homo institutus*), в том или ином виде противопоставлявшийся неоклассической модели индивидуального выбора, обобщенной в концепции «человека экономического» (*homo economicus*). Однако в предлагаемой книге этот термин толкуется более широко — как человек, живущий и ведущий хозяйство в неизбежном и неотделимом от него институциональном существовании и окружении.

Стоит вспомнить, что внимание к человеку как объекту исследования в общественных науках постоянно возрастало и привело к широкому использованию, помимо основного и традиционного линнеевского *homo sapiens*, таких определений, как *homo economicus*, *homo ludens*, *homo ierarchicus*, *homo aequalis*, *homo faber*, *homo contractus*, *homo institutus*... (Тейяр де Шарден, 2002; Дюмон, 2000; Хейзинга, 2003; Автономов, 1998; Нестеренко, 2002; Клейнер, 2004). Столь многогранен и непостижим этот объект познания, что дошло даже до создания модернизированной модели REMM (Resourceful, Evaluating, Maximizing, Man) (Бруннер, 1993) «человека экономического», а в отечественной реальности, поскольку «умом Россию не понять», и до «парадоксального человека» (Тощенко, 2001).

Объектом исследования предлагаемой вниманию читателей книги стал человек в системе социально и нормативно закрепленных функций, человек в статусе, агент институций и институтов. Предмет ее, на первый взгляд, довольно узок, поскольку предполагает лишь институциональный анализ, но и чрезвычайно сложен, ведь даже в одной этой грани высвечивается вся неизмеримая глубина сущности человека – уникального феномена и результата эволюции Вселенной, постижение которого предполагает непрерывное переосмысление всех факторов и тенденций общественного бытия.

Открывают книгу методологические проблемы исследования институционального содержания человека, которые характеризуют актуальное состояние и перспективы развития концепции «человека институционального», сложившиеся подходы к его пониманию, проблемы интерпретации роли акторов и агентов в экономической науке.

Агенты и институты хозяйственной системы связаны в книге с проблемой институционального выбора в контексте взаимодействия комплексных норм поведения и включенных в них индивидов. В зависимости от характера целей деятельности в современной экономической теории выделяются два типа хозяйственных субъектов – «человек экономический» и «человек институциональный», которые сравниваются по различным критериям (рациональность действий, временной диапазон принимаемых решений, системность представлений о мире и т. д.). Однако разделение это относительно, поскольку «человек экономический» по определению уже обрел специфический статус аспекта, в котором получает свою структурную, функциональную и эволюционную характеристику.

«Человек экономический» предстает в реальном времени и пространстве одновременно как производитель и потребитель, предприниматель и принципал, кредитор и заемщик, управленец и исполнитель. Он не существует и не проявляется в обществе без статуса, вне норм и правил, вовлекается в соглашения и процедуры, исполняет должности и получает чины, становится участником ритуалов и обрядов. Все это, социально детерминируя его действия, проявляется в его поведении в хозяйственной системе.

«Человек экономический» уже содержит в себе «человека институционального», рационализм первого стоит на фундамен-

те ценностей второго. Поведение *homo economicus* становится формой проявления и следствием социально обусловленных действий *homo institutus*, часто скрывая или искажая их истинный смысл и цель. Поведение выступает как демонстрация и трансляция многих аспектов трансформированного действия в зависимости от конкретной ситуации. Действие – существенно, поведение – действительно. На этой методологической основе проведен анализ институционально обусловленного выбора, выявлены взаимодействия и противоречия его субъектов и объектов, раскрываются его стадии и проблемы.

В исследовании соотношений рациональности, неполной рациональности и иррациональности с учетом психологических факторов представлена более реалистичная по сравнению с неоклассической концепция процесса принятия решений хозяйственными субъектами. Она исходит из учета величины отклонения от абсолютной рациональности под влиянием психологических характеристик личности осуществляющего выбор актора. Обосновывается классификация психологических факторов нарушения рациональности институциональных решений и форм их проявления с использованием медицинских аналогий, что позволило выявить многочисленные «экофобии», характерные в том числе и для современного российского общества.

Авторы проводят анализ культурно-исторических условий формирования пропорций между различными типами агентов в России. Теоретически моделируется образ общества *homo institutus*. На основании качественного анализа соотношения популяций «экономических» и «институциональных» людей в нашей стране сделан вывод о преобладании последних, что позволило прийти к ряду интересных заключений об изменении психологии и идеологии россиян в отечественном пространстве институциональных трансформаций. Обосновано, что средний класс и его представители – люди, отличающиеся чувством ответственности, стабильными, взвешенными взглядами и определенными нравственными устоями, – должны стать объектом стратегического государственного воздействия.

Исследование приводит к методике синтеза понятия «институт» на основе системы детерминант. В книге представлен один из возможных подходов к уточнению категориального аппарата

институциональной теории, в его основе – системный базис детерминирующих характеристик определяемого понятия. Применительно к категории «институт» осуществлен анализ, в результате которого сформирована система множеств характеристик данного феномена, и синтез определения путем группирования выявленных признаков с учетом логических связей.

Используемые определения социальных институтов изначально многозначны настолько, что могут ввести в глубокое заблуждение. К институтам относят все: нормы и правила, организации и учреждения, органы и отношения, сообщества и статусы, рутины и ритуалы, обычаи и традиции, образ мышления и поведения. При таком собирательном подходе понятие социального института теряет границы и масштабы собственного содержания, перестает быть тем особенным, которое есть результат взаимодействия всеобщего и единичного для определенного класса феноменов с качественно специфической информацией.

Экономический институт можно назвать, пользуясь метафорой Р.И. Полякова (Поляков, 1984, с. 7), «понятием-сфинксом», имея в виду предельную неопределенность предлагаемых определений и трактовок, придающую данному феномену некий мистический характер. Это понятие балансирует на грани нулевого и всеобъемлющего смысла, «лишнего» термина и «ключа к тайнам хозяйства»... Но следует иметь в виду, что «образность в научном доказательстве вообще возникает там, где обнаруживается недостаток логики, слабое место в подлинно теоретическом категориальном движении мысли» (Экономическая теория..., 1990, с. 115).

Поэтому одним из стимулов написания книги было стремление преодолеть имеющуюся фрагментацию и нарастающую вульгаризацию институциональной теории. Мощный поток якобы «институциональных исследований» заполнил отечественное информационное пространство. Сложившаяся к настоящему времени нечеткость понятийной системы институционализма, упрощение или, напротив, чрезмерное расширение определений его основных категорий порождают искаженное отражение и торможение процессов практической модернизации хозяйственной действительности. Это в значительной степени дискредитирует институциональную теорию, которая нередко рассматривается как некая скоропреходящая научная мода; институционализму

подчас отказывают в экономическом содержании, сводя его предмет исключительно к области социологии или правоведения¹. Экономисты же далеко не всегда используют достижения других наук в данной области исследований.

В отечественном институционализме имеет место плюрализм поверхностных мнений и фрагментарность суждений. В итоге теряются действительно важные моменты – четкость изложения и чуткость восприятия научных текстов. Масштабная эмиссия идей, касающихся различных вопросов институциональной теории и практики, но имеющих под собой слабую теоретическую основу, ведет к раскручиванию инфляции гносеологических продуктов институционального фактора и девальвации статуса институционализма в экономической науке современной России. Категория «общественный институт» стала широко употребляться в быту, где приобретает любые значения и изменяется до неузнаваемости.

Институт и организация (в меньшей степени – институция) рассматриваются как «понятия подвижные, а не застывшие; они изменчивы и текучи. Они то употребляются как синонимы, то противопоставляются друг другу. Каждый использует их с тем большей легкостью, чем меньше знает, что именно они обозначают. Но когда пытаешься эти понятия определить и отделить друг от друга, возникает множество проблем и трудностей» (Маритен, 2000, с. 11). Исследователями все еще отождествляются институции и институты, органы и организации, а достижения тектологии и конституционной экономики не могут проявить свой истинный эвристический и практический потенциал.

Действительно, к социальным институтам причисляют церковь и рынок, искусство и профсоюз, армию и собственность, семью и образование, здравоохранение и предприятие, дружбу и государство, суд и партии, науку и управление, религию и деньги, полицию и многие другие явления общественной жизни. Их связывают как с отдельными людьми, так и с их группами, классами, нациями, сообществами и человеческим обществом в целом. В различных науках доминируют трудносовместимые трактовки институтов, которые демонстрируют неприятие понятий смежных областей знаний. Это приводит к сохранению и углублению разобщенности наук об обществе в рамках реализации институционального подхода, подтверждает и консервирует сис-

темную незавершенность его категориального аппарата, препятствует интеграции исследований и исследователей.

Феномен институции раскрывается в аспекте латентного обеспечения функции производства многообразия общественно-го бытия, формирования все большей глубины социума и его внутренней структуры, что отражается в сознании людей, действующих в мире смыслов и значений. Эта сторона институций противопоставляется их явным задачам формирования целей и схем поведения хозяйственных субъектов. Отсутствие рефлексии по поводу институциональной структуры и неявный характер последней определяют частичный и поверхностный характер любых моделей социальной трансформации. Воспроизводство рассматривается как своего рода символический универсум, в котором институции интегрируют функционально-производственные и субъектно-ценностные аспекты бытия людей.

Авторами книги предлагается рассматривать экономического актора с позиций институционализма в облике феномена *homo institutus*. В гносеологическом ракурсе он предстает конкурентоспособным антиподом неоклассической модели *homo economicus*, которая критикуется сразу по ряду позиций. Интеграция психологических, биологических и философско-антропологических продвижений в познании природы человеческого поведения позволила развить модель экономического актора, дополнив ее когнитивными ограничениями, страстями и эмоциями, углубить понимание механизма взаимодействия агента и окружающих его институтов.

Достаточно продуктивно рассмотрение *homo institutus* как антипода *homo economicus*, когда нерациональный, автоматически соблюдающий правила или полностью ограниченный определенной ему извне ролью агент противопоставляется полностью рациональному, изолированному от социального окружения и максимизирующему свою полезность индивиду. Это позволяет инкорпорировать в модель человека неэкономические мотивы, важность которых несомненна. Схемы человеческого поведения, согласно Н. Элиасу, «многослойны, как и вся система контроля над поведением, как строение наших душевных функций вообще. В их формировании и воспроизводстве на равных принимают участие эмоциональные и рациональные побуждения» (Элиас,

2001, с. 320). Но основанная на дихотомии этих двух социальных типов хозяйственного субъекта модель «человека институционального» по степени абстракции от реальности вполне сопоставима с неоклассической моделью человека, хотя и внесла в нее ряд существенных поправок. Такое разграничение двух непересекающихся моделей экономического поведения акторов не соответствует реальным характеристикам природы человеческого фактора, редуцируя богатство его содержания.

Современные трактовки *homo institutus* во многом восходят к идеям скандинавского институционалиста Н. Брунссона и являются их неявной интерпретацией применительно к наноуровню хозяйственной системы. Этот ученый, которого Б.Д. Скелли называет одним из основоположников «радикального институционализма» (Skelley, 2000, pp. 112–122), концентрированно выразил свою точку зрения следующим образом: «Мой главный аргумент, адресуемый практикам, состоит в том, что во многих ситуациях иррациональность решений и идеологическая ограниченность может быть функционально эффективной» (Brunsson, 1985, p. 182). В реальности «человек институциональный» иррационален, но отнюдь не органично, он рационален, но не безгранично.

Трансакционная модель бытия *homo institutus*, предложенная в одной из глав книги, исходит из сопоставления конструктов «институциональное поле» и «экономическое пространство», на условном «стыке» которых и возникает транзакция, понимаемая как «акция, выходящая за свои пределы». Точнее, речь идет о взаимном переходе двух встречно направленных акций, осуществляемых двумя субъектами сделки, благодаря чему разрешается возникающее между ними противоречие и удовлетворяются их потребности. Транзакция в методологическом статусе единицы институционально-экономического анализа позволяет преодолеть многочисленные проблемы, возникающие при акценте на индивидов или институты. «Человек институциональный» представлен как модель реального хозяйственного субъекта, учитывающая его сильные и слабые стороны, а также транзакционную способность (институциональную компетентность), позволяющую преодолеть и содержательно изменить «дырявый» характер экономического пространства между акторами сделок, следующий из представлений теоретиков неоклассического направления.осу-

ществлена оригинальная попытка семиотического моделирования механизма взаимодействия трансакторов на примере ситуации из романа У. Эко.

Доказана необходимость дополнения традиционной схемы функционально-структурного анализа «институт – агент» понятием институциональной фракции, позволяющим системно раскрыть актуальные тенденции и направления социальной фрагментации. Внутренний и межинституциональный фракциогенез представлен как взаимодействие коалиций, кланов, династий, клик и иных группировок агентов разного уровня иерархии. Внутренняя неоднородность института раскрывается через систему межфракционных противоречий, сопровождающих углубление стратификации общества по пути формирования мозаичной гетерогенности и нуждающихся в изучении соотношения статики и динамики в рамках общей кинетики. Введены и обоснованы производные понятия экономической рефракции, дифракции и интерференции.

В процессе раскрытия институциональной сущности человека через систему статусов и ролей определяются ее генотипический и фенотипический аспекты. Использование конструкта «институциональная сфера» позволяет ввести условные индикаторы ее состояния – «радиус», «объем» и «плотность», раскрыв их экономическую природу. Как элементы социально-функциональной сферы человека, институции представлены в структурном, пространственном и временном аспектах, реализуясь как эскалаторы и конвейеры, катализаторы и ингибиторы, амортизаторы и стабилизаторы статуса акторов. Разработаны понятия институциональной интериоризации и экстериоризации, трансмиссии и трансляции.

Исследование институтов и институций в коммуникативном пространстве проводится на материале русского, немецкого, английского и французского языков. Показана сложная семантическая структура существительных «институция» и «институт» в западноевропейских лингвистических пространствах, отражающая структурно-функциональную специфику соответствующих обществ. В ходе компаративного анализа, проведенного с использованием системы релевантных интегральных сем, обосновано, что институциональные наименования в русском языке представлены исторически и актуально, в потоке эволюционных трансформаций, являя собой языковое отражение реальной институ-

циональной структуры общества на разных этапах его развития. Очевидно, что «слова имеют свою историю и с течением времени изменяются в своем значении. Это – несомненная истина, однако мы, формируя свои представления о каком-нибудь новом вопросе, очень часто забываем эту истину или упускаем ее из вида, что порождает недоразумения» (Веселовский, 1936, с. 12). Особый интерес вызывает новаторское освещение проблем межкультурной коммуникации, возникающих при статусном несоответствии субъектов и недостаточном учете институционального контекста общения. Это еще раз подтверждает идею о том, что для выяснения истины в отношении институционального содержания человека нужны совместные исследования историков, лингвистов, этнографов, антропологов, культурологов и других представителей различных областей знания.

Предлагаемый Вашему вниманию первый опыт междисциплинарного подхода к познанию «институционального человека», предпринятый по инициативе экономистов и вовлекший в общее русло исследований представителей многих гуманитарных наук, можно оценивать и как эксперимент. А любые эксперименты, безусловно, чреваты неожиданностями, но необходимы, ведь без них невозможно смахнуть с глаз «сон исследовательской рутины», пользуясь выражением Н. Хомского. Поэтому сердца авторов согревает надежда на благожелательное и, вместе с тем, конструктивно критическое отношение читателей. Это будет означать, что коллективные издержки выполненного интеллектуального труда оказались общественно необходимыми, а выбор тематики исследования – адекватным институциональным вызовам, перед которыми находится Россия в начале XXI века.

Книга подготовлена авторским коллективом в составе: акад. РАН В.Л. Макаров – глава 1; чл.-кор. РАН Г.Б. Клейнер – главы 3, 9, 34; чл.-кор. РАН Ф.И. Шамхалов – главы 1, 18; чл.-кор. РАН Б.Г. Юдин – глава 17; д. филол. н. Т.Н. Астафурова – глава 30; д. ф. н. Э.В. Баркова – глава 22; д. ф. н. М.П. Бузский – глава 16; д. с. н. И.В. Василенко – глава 39; д. ю. н. Н.Н. Вопленко – глава 28; д. ф.-м. н. А.А. Воронин – глава 12; д. э. н. А.В. Дьяченко – глава 13; д. э. н. Б.А. Ерзнкян – главы 4, 5; д. э. н. О.В. Иншаков – введение, главы 2, 8, 10; д. филол. н. В.И. – Карасик – главы 31, 32; д. и. н. Г.П. Кибасова – глава 27; д. э. н.

С.Г. Кирдина — глава 11; д. и. н. А.И. Кубышкин — глава 26; д. э. н. Н.Н. Лебедева — глава 20; д. ю. н. Л.В. Лобанова — глава 36; д. э. н. В.О. Мосейко — главы 7, 14; д. э. н. А.Ф. Московцев — главы 35, 38; д. филол. н. А.В. Олянич — глава 30; д. ф. н. Н.В. Омельченко — глава 25; д. ф. н. И.А. Петрова — глава 27; д. ф. н. Ю.М. Резник — глава 19; д. ф. н. О.И. Стибнева — глава 24; д. ф. н. А.Л. Стризое — главы 21, 23; д. э. н. О.С. Сухарев — главы 6, 15; д. филол. н. Н.А. Тушикова — глава 29; д. и. н. И.О. Тюменцев — глава 37; д. филол. н. Н.Л. Шамне — глава 33; к. ю. н. Ю.Ю. Ветютнев — глава 28; к. э. н. Р.Г. Нургалиев — глава 1; к. и. н. Н.В. Рыбалко — глава 37; к. э. н. Д.П. Фролов — главы 8, 10.

Литература

- Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998. (Этическая экономия: Исследования по этике, культуре и философии хозяйства. Вып. 2).
- Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 3.
- Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
- Веселовский С.Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л.: ОГИЗ: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936.
- Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999.
- Дюмон Л. Homo aequalis. Генезис и расцвет экономической идеологии. М.: Издат. дом «NOTA BENE», 2000.
- Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли: В 2 т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. Т. 1. 486 с; Т. 2. 626 с.
- Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем / ЦЭМИ РАН. М.: Наука, 2004. (Экономическая наука современной России).
- Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Мамедов О.Ю. Институционализм — приоритет вторичности? // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1, № 1.
- Маритен Ж. Человек и государство. М.: Идея-пресс, 2000.
- Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М.: ЗАО «Финстатинформ», 2000.

Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория / Отв. ред. акад. Л.И. Абалкин. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Поляков Р.И. Обобществление производства в условиях развитого социализма. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.

Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи: В 2 т. СПб.: Наука, 2001.

Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Вселенская месса. М.: Айрис-пресс, 2002.

Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001.

Хейзинга Й. Homo Ludens / Человек играющий: Статьи по истории культуры. М.: Айрис-пресс, 2003.

Ходжсон Дж. Предисловие к русскому изданию // Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003. С. 9–14.

Экономическая теория – хозяйственной практике / С.Н. Мареев, В.И. Панченко, А.К. Покрътан, Г.П. Солодков. М.: Экономика, 1990.

Элиас Н. О процессе цивилизации. Т. 2: Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

Banfield E.C. The Moral Basis of a Backward Society. N. Y.: Free Press, 1958.

Brunsson N. The Irrational Organization: Irrationality as a Basis for Organizational Action and Change. Chichester, England: John Wiley & Sons, 1985.

Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y.: Simon and Shuster, 1996.

Nee V. Sources of the New Institutionalism // The New Institutionalism in Sociology / M. Burton and V. Nee, eds. N. Y.: Russel Sage, 1998. P. 1–16.

Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti K.Y. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton: Princeton U. Press, 1993.

Skelley B.D. Radical Institutionalism and Public Administration: a Review of Nils Brunsson's Contributions to Understanding Public Sector Organizations // Public Administration & Management: An Interactive Journal. 2000. 5, 3.

---

¹ См., например, работу (Мамедов, 2003).

Глава 2

«ЧЕЛОВЕК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ» — СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО ОСВЯЩЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

1. ФЕНОМЕН ИНСТИТУЦИИ В ФОКУСЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО АНТРОПОЦЕНТРИЗМА

Как самостоятельная сущность и понятие человек изначально должен восприниматься в качестве представителя живого общественного созидающего рода — человечества. Человек институционален по своему общественному происхождению, поскольку отношение каждого индивида к человечеству как особой форме и виду жизнедеятельности закрепляется его сородичами в процессе совместного бытия и становится способом его существования.

Системно обобщенная жизнедеятельность целостно представленного человека обладает родовыми признаками в отношениях:

- сознательности и созидательности, поскольку целенаправленно творит новую предметность и поле бытия;
- совместимости и современности, поскольку соотносится с эволюцией природы и общества во времени;
- согласованности и совместности в рамках неразрывно связанных отношениями общественных функций и структур.

Деятельность человечества в целом ведется каждым отдельным индивидом, различными группами и сообществами людей, как и человеческим обществом в целом в их непрерывном и многообразном взаимодействии со средой. Поэтому ее результаты и последствия, где и как бы она ни проявлялась, кто бы ее ни осуществлял, прямо или косвенно, также будут иметь значение для всего человечества, хотя и в разной степени, в зависимости от мощности каждого отдельного действия.

Она столь многогранна и развивается в универсальную деятельность в соответствии с универсальностью природы, не только в фантазиях человека, но и в реальности по мере его коэволюции с природой на основе опыта и культуры. Чем больше масштабы и глубина проникновения человечества в природу, чем больше количество созидательных событий, сложнее и раз-

нообразнее их качество, чем выше скорость потока взаимодействий, тем более универсальна человеческая деятельность. Эволюция естественного мира привела к человеку, а человек начал эволюцию искусственного мира.

Отечественная экономическая наука, развивая антропоцентрический подход, все больше обращается к пониманию многогранности человека. Но далеко не всегда удается преодолеть поверхностное представление о человеке как существе и силе созидания без опоры на глубокое философское осмысление этого феноменального продукта эволюции. Особое значение приобретает в этом познавательном процессе пограничное взаимодействие экономической теории с другими общественными и естественными науками, которое позволяет полнее познать человеческую сущность в калейдоскопе форм ее проявлений в хозяйстве.

Попытки продвинуться в понимании человека, основанные на рутинных и вульгарных экономических концепциях, не дают желаемых результатов. Получаются искусственные конструкции, во многом тормозящие развитие теории и практики хозяйства. Но и варианты упрощенного представления человека с выделением в нем характеристик творчества, функций и живой природы служат стимулом для дальнейших исследований. Вот один из таких примеров, который вполне выполняет роль стимула для дальнейших размышлений:

«Человек в экономической теории представлен тремя понятиями:

- Человек – демиург, создатель Экономики, что эквивалентно понятию человечество;
- Человек – носитель фактора производства Рабочей силы;
- Человек – живое существо, потребляющий индивидуум, представляемый в экономике семьей» (Бабинцева, 2003, с. 15).

Эклектика и неполнота приведенной характеристики человека настолько явна, что вводит в заблуждение и справедливо вызывает недоумение. Где же основные характеристики деятельности этого демиурга? Может ли это живое существо производить, распределять и обмениваться благами с другими ему подобными? Зачем ему создавать экономику и каким образом пос-

ледняя эквивалентна человечеству? Кто и как ввел этого создателя в столь высокий статус?

Универсальность жизнедеятельности человека осуществляется, закрепляется и развивается в естественных и общественных формах дифференциации и интеграции путем присвоения статусов индивидами, их группами и сообществами. Социальное, имплицитное или эксплицитное, закрепление конкретных форм деятельности за человеком осуществляется посредством добровольной или принудительной, свободной или вынужденной институции. Институция означает введение в статус, она есть фактор и процесс создания и закрепления статуса каждого человека.

Но отдельный индивид в одиночестве не может быть не только сознательным и созидательным, совместным и согласованным, но даже совместимым и современным относительно природы и общества. Поскольку индивидуально он может быть выделен только как представитель обобщенного рода и институции человечества, то онтологически и гносеологически он выступает в триединстве основных форм или ипостасей своего бытия – *существа, средства и свойства* – институций, которые устанавливают и закрепляют его родовой статус.

Во-первых, в качестве *существа* человек есть новая социальная сущность бытия, которой не было в природе ранее. Как существо, он рождается и функционирует не только естественно, принадлежа природе, но и искусственно, противостоя ей, как созидатель и носитель новой социальной формы реальности. Он выделяет себя из природы сознательно и деятельно, заменяя смерть своего естества социальным бессмертием искусства, преобразуя данную ему натуру в созданную им культуру. Он – персонально воплощенная институция социального рода.

Во-вторых, как *средство*, человек связан с природной и общественной средой всей своей жизнью и только через него возможна связь природы и общества. Будучи средством, он служит себе и другим, целенаправленно и универсально преобразуя природу, создавая полезные искусственные вещи, перемещая их в пространстве и времени, устанавливая связи и отношения, принося доход и ущерб, умножая и растрачивая капитал и бо-

гатство. Он — персонально воплощенная институция взаимодействия со средой.

В-третьих, в аспекте *свойства*, он свой для других людей, и вместе с ними он составляет и воспроизводит это общество. В этой ипостаси заключается суть и идея возможности равенства, братства и свободы, без которых нет и не может быть будущего у гражданского общества. Без понимания этой институции человечество не может прийти к своему глобальному синтезу.

Универсальная сущность каждого человека индивидуально выражает его глобальную сущность и многообразие видов реализуемой им деятельности, поэтому разделение и объединение форм этой деятельности и их общественное закрепление неизбежно и необходимо для эффективной эволюции всего человечества. «“Квантом”» масштабов футурологического мышления каждого человека ныне должен быть масштаб Земли в целом» (Раушенбах, 2003, с. 179).

Получая в процессе институции статус, индивид вводится с этим статусом в систему взаимодействия природы и общества, то есть в человеческое бытие. Человек рождается существом, в котором институция его естества в единстве с институцией общества создает институцию человечества как системного родового совместного существования индивидов¹. Индивид признается человечеством как сородич, то есть посредством институций родства, единства и общества за ним закрепляется принадлежность к человеческому роду. *Homo sapiens* исходно предстает как *homo institutus*.

Таким образом, институция должна быть понята как процесс и как форма социальной спецификации и закрепления функций человеческой жизнедеятельности за индивидами, группами или сообществами, присваиваемая и воспроизводимая ими. Формирование и функционирование, субординация и координация институций происходит на уровнях существования, бытия и действительности, а также между ними. В переплетениях отношений тождества и различия институций человек обретает свое место и играет свою роль в обществе.

Безусловно, в основе понимания институциональной природы и специфики человека должно лежать понимание институ-

ции как фактора и продукта жизнедеятельности человека. Для этого надо исходить из новой генетической теории факторов производства как общественного бытия, в которой производственная функция хозяйственного субъекта (системы) любого уровня масштаба и сложности представлена следующим образом: $Q = F(A, T, Rn, Ins, O, Inf)$, где Q – произведенный продукт, A – человеческий, T – технико-технологический, Rn – природно-ресурсный, Ins – институциональный, O – организационный, Inf – информационный факторы его создания. Каждый фактор путем трансформаций или трансакций создает адекватные ему свойства искусственных продуктов, тогда: $Q = F(Tf; Ta)$, где Tf – совокупность трансформационных факторов производства (A, T, Rn); Ta – совокупность трансакционных факторов (Ins, O, Inf). Исходя из приведенного выражения, справедливо и другое: $Ins = \varphi(A, T, Rn, O, Inf, Q)$. Каждая институция зависит от своего агента-актора; его знаний, умений и навыков; используемых им технических средств; предметов деятельности и среды; внутренней структуры, места и роли в обществе; пространственно-временной континуум и контур.

Будучи социальной формой типизации и закрепления функций хозяйственных субъектов и объектов, институция раскрывает свое содержание как функциональное отношение или отношение функций людей в процессе воспроизводства их жизни. Такая всеобщая форма предполагает соотношение не с конкретным единичным, отдельным и преходящим действием, но способствует пониманию связи и сцепления постоянно воспроизводимых общественно значимых действий в значении более самостоятельном и отвлеченном. Это не просто действия любого существа, а действия социализированные, обобществленные по своей сути, вводящие их исполнителей в статус, определяемый в соответствии с потребностями общества. При таком понимании институции объединяются функция индивида и социум.

Действие, которое исторически институционально закрепляется, должно быть:

- субъектно и объектно определенным;
- способным персонифицироваться;
- возобновляемым по способу осуществления;
- законченным по форме и результату;

- не единичным актом и не отдельной операцией;
- не случайным и не скоротечным;
- порождающим определенное устойчивое поведение;
- приводящим к постоянной роли в обществе;
- создающим статус в структуре общественной иерархии;
- определяющим специфику и размер результата;
- обуславливающим вид издержек и дохода;
- накапливающим и возмещающим факторы реализации;
- подверженным специфическим рискам;
- испытывающим конкуренцию и стремящимся к монополии;
- оцененным обществом с позитивной или негативной стороны и т. д.

При потере отдельными функциями общего значения и масштабности они возвращаются в состав обычных незакрепленных, случайных, спонтанных или скоротечных действий, частично теряют величину своей социальной ценности. Они перестают быть институциями, трансформируясь в обычные промежуточные действия, устойчиво не разделяющие и не объединяющие индивидов и их группы по роли и месту в процессе общественного бытия. Ведь, хотя институция как социальная форма функции человека вообще объективна и имеет характер всеобщности, она как сущность – «голая абстракция», которая проявляется только в содержании и форме конкретных действий.

Необходимость «достройки» категориального аппарата институциональной теории понятием институции объективно обусловлена неоправданностью редукции всего многообразия институциональных явлений к категории «институт». Столь примитивно понимаемый институциональный монизм является непродуктивным. Его историческим импульсом можно считать издание в СССР фундаментального труда Т. Веблена «Теория праздного класса» (1984 г.), в переводе которого был полностью опущен авторский подзаголовок, в котором указывалось именно понятие институции – «An Economic Study of Institution». Такой подход стал традицией и воплотился в переводе трудов Д. Норта, Т. Эггертссона, Дж. Ходжсона и других², в то время как в оригинале их труды посвящены прежде всего экономическим институциям³. Это закрепило применение термина «институт» и

способствовало отказу от категории «институция» при описании феноменов соответствующего характера.

На современном этапе такой подход становится тормозом развития категориального ряда институционализма в его социологическом, экономическом, правовом и др. аспектах и часто приводит к отождествлению понятий, описывающих социальные формы структур и функций, примером верного различения которых могут служить исследования А.Р. Рэдклиффа-Брауна (Рэдклифф-Браун, 2001). Это значительно затрудняет восприятие и анализ оригинальных зарубежных текстов, где наибольшее употребление находит термин «институция»⁴, и обедняет научный инструментарий отечественных исследователей.

Поскольку институция как содержательная основа института обуславливает звание, должность, социальную группу, сословие, общность интересов и взглядов, она фиксирует однотипные свойства субъектов посредством закрепления социальной специфики их действий, что нормирует их и становится основой правил их поведения. Институционально определенное действие не может быть единичным в данном обществе; оно – совокупность повторяемых одним лицом либо многими лицами одновременно или исторически действий и их результатов. Это приводит к образованию социальных типов людей с соответствующими общественно признанными ролями, образами и нормами действия и поведения. Вводя человека в статус исполнителя особого социально значимого типа действий, институция обуславливает его принадлежность к особой общности субъектов, равных по функции или функциональному свойству.

Таким образом, система институций, отражая функциональный аспект общественных отношений в любой сфере жизни человека, обеспечивает его универсальное отношение к миру закреплением за ним способов деятельности посредством дифференциации и интеграции индивидов и их групп относительно других.

Комплекс различных институций в отдельном человеке определяет его социальную конституцию, а консенсус индивидуальных и групповых институций формирует конституции сообществ различного уровня. Все человечество конституировано, что

проявляется во всеобщих признаках его жизнедеятельности, которые характерны для любого ее вида. По мысли Ф.А. Хайека, это «означает лишь, что институты... подразумевают целый ряд принимавшихся по умолчанию принципов, которые должны превратиться в статьи конституций там, где подобное умолчание не работает... Следовательно, имеются все основания задаться вопросом о том, как явно внести эти принципы и концепции в конституцию» (Хайек, 1990, с. 163).

Несмотря на то, что институты – реальное социальное явление, их, равно как статусы и иные формы атрибутивного сопровождения человеческой деятельности, можно представить лишь мысленно, вычлняя существенное, всеобщее в конкретных формах проявления. При всем том, они – отнюдь не просто некий «символический капитал», а капитал реальный. Это можно объяснить действительной силой институции как важного фактора бытия, результаты которого неизменно материализуются:

- во времени и пространстве действия;
- в доходах и затратах, представленных в натуральном или денежном выражении;
- в уровне и объеме располагаемых благ;
- в особенностях ведения хозяйства (разный уровень устойчивости и риска, условий и ресурсов, факторов и запасов для представителей различных статусных позиций);
- в ограничениях и потенциале взаимодействия с другими людьми, их группами и сообществами.

Потенциально и реально каждый человек является агентом многих институций, реализуя их в своих действиях и выступая при этом представителем соответствующего институционального субъекта. Институции неизбежно «перетасовывают» своих представителей в группы по общим, дополняющим и противостоящим признакам. Происходит институциональная кооперация, интеграция, комбинация, трансформация, конвергенция, диверсификация, модификация... Процессы социального закрепления функций основываются на устойчивом положительном или отрицательном отношении к ним общества, на его оценках результатов выполнения этих функций в различных сферах жизни: хозяйстве, науке, религии, политике, праве, морали, искусстве, семье, государстве и пр.

В эволюции системы институций человека в соответствии с диалектическим законом отрицания отрицания представляется возможным выделить три основных стадии.

Первая стадия (тезис) связана с первобытным синкретизмом институций в каждом индивиде, что означало неразвитое тождество социальных форм различных сторон его жизнедеятельности и преобладание их естественного разделения по половозрастным признакам. На этой стадии слабо разделены по статусу многие средства производства и потребления, недостаточно сложились и укоренились нормы и правила поведения, непосредственно происходит обмен деятельностью и ее продуктами. Социальные границы между «своими» и «чужими» статусами и ролями размыты, а контуры присвоения и отчуждения институций четко не сформировались. Связи и отношения непосредственны, они «пришли» из природной среды и социально не дифференцированы. Первобытный институциональный синкретизм проявлялся в собирательстве, охоте, искусстве, культовых действиях, мобильно по обстоятельствам рационально распределяя, но социально не закрепляя функции за определенными агентами внутри человеческих сообществ и между ними. Институциональная информация только начинается. Но господство естественного разделения труда сменяется общественным.

Вторая стадия (первое отрицание – антитезис) характеризуется переходом от неразвитого институционального тождества людей к многосторонне развитому социальному разделению индивидуальных и групповых пространственно-временных континуумов их деятельности, закреплению различий их статусов и ролей, правил и норм жизни, обычаев и ритуалов. На этой стадии сильно разделены по статусу многие средства производства и потребления, сложились и укоренились нормы и правила поведения, обмен деятельностью и товарами осуществляется в основном посредством рынка. Социальные границы между «своими» и «чужими» статусами и ролями резки, а контуры присвоения и отчуждения институций сформировались четко. Связи и отношения обуславливают жесткую институциональную дискретность общества, социально закрепляя функции за определенными агентами внутри человеческих сообществ

и между ними. Институциональная информация бурно развивается. Социальная дифференциация обусловлена общественным разделением труда как процесса закрепления и персонификации функциональных форм человеческой жизнедеятельности с последующей специализацией акторов по ним. Соответственно, социально разделяются функции акторов и их групп, сфер и отраслей хозяйства, факторов и продуктов производства. Развиваются адекватные им функциональные структуры общественной жизни – локальные, региональные, национальные и интернациональные институты.

Третья стадия (второе отрицание – синтез) предполагает глобальное объединение людей в рамках тождества их родовой сущности для более полного осуществления системной универсальности человечества. Тождественность родовой сути каждого человека теперь должна проявиться через развитое единство социально многообразного человечества, через взаимопроникновение и отбор лучшего из многообразия опыта и культур отдельных стран и народов. Базисом нового институционального перехода становится глобальная экономика, основанная на знаниях, высоких технологиях, ценностях и постиндустриальной организации, обеспечивающая коэволюцию с природой и открытость информации, доступность межкультурных и мобильность социальных коммуникаций. Глобальные сети международных институтов становятся регулирующими центрами общечеловеческого развития. Трудно прогнозировать черты этого синтеза ранее развившихся альтернатив до тонкостей, да и не стоит, поскольку реальность человеческой жизни все равно окажется богаче и интереснее.

2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И АТТРИБУТЫ ЧЕЛОВЕКА В ТРАНСАКЦИОННОМ ПОЛЕ БЫТИЯ

Из многократного (массового) повторения людьми социально закрепленных за ними действий эволюционно возникают и нормы выполнения социально признанных (формально или неформально) функций, а также правила, порядки, алгоритмы, обряды, ритуалы, законы, принципы их реализации. Норма связана со статусом, она его критерий, а вместе – это атрибуты

институций. «Каков бы ни был тип общества, жизнь конкретного человека обусловлена последовательными переходами от... одного рода деятельности к другому. Там, где переход от одной деятельности к другой является жизненной вехой, он сопровождается особыми действиями» (ван Геннеп, 1999, с. 8–9), предполагающими, если продолжить эту мысль, адекватные институциональные атрибуты.

Поскольку институции, с одной стороны, соответствуют потребностям людей, они обладают полезностью, а с другой стороны, требуют осуществления затрат на их воспроизводство, следовательно, обладают стоимостью. Отношение полезности к стоимости выражает ценность институции в статусе, который она присваивает своему агенту. Статус также обладает полезностью и стоимостью не только для своего носителя, но и для общества. Изначально статус существует как продукт институции, пока он производится как бы для себя. Но, когда статус начинают производить для других, на продажу, он превращается в товар, а производящая его институция – в капитал, приносящий доход. Поэтому статус как единство блага и затрат, то есть как товар, можно создавать, распределять, потреблять, обменивать, продавать, покупать, дарить, наследовать, сдавать в аренду, терять и т. д., получая при этом возмещение произведенных затрат, доход, неся соответствующие издержки и потери, порождая эффекты и ущербы.

Институциональный капитал – одна из конкретных форм капитала, отражающая возможность получения дохода за счет приобретения, эксплуатации и накопления статуса теми или иными субъектами хозяйствования, обусловленного их принадлежностью к определенным институциям и институтам. Институциональный капитал целесообразно рассматривать как составную часть трансакционного капитала наряду с организационным и информационным.

Индивидуальный институциональный капитал свойственен отдельному человеку или фирме, ассоциированный – целым отраслям, сферам или национальным и интеграционным экономикам. Идет процесс формирования глобального институционального капитала. В этих организованных системах отношений интегрируются большие группы людей на основе признанного

их участниками механизма согласования общих интересов, предусматривающего определенные правила, нормы, традиции и стимулы воспроизводства сложившихся ценностей. Институциональные издержки также можно разделить на индивидуальные (для создания статуса агента отдельного института) и общественно необходимые (средние – для создания наиболее массовых статусов, масштабных и распространенных в обществе институтов). Представляется целесообразным выделять как индивидуальную, так и общественную потребительную стоимость институций, институтов и даваемых ими статусов. В этих категориях станет возможным более детально отразить экономическое содержание атрибутов и структур жизни *homo institutus*.

Институции, присваивая своим агентам постоянные статусы как особым действующим лицам с закрепленными типическими «надындивидуальными» качествами, обуславливают их общественную ценность для исторически конкретных условий жизни. Агенты институций в быту легко определяются, отождествляются и различаются через их состояние, чин, звание, которые поддерживаются специфическими механизмами обращения, чествования, общения и т. д., свойственными определенным социальным типам субъектов. Институции формируют власть и авторитет, определяют достоинство и важность людей.

Система общественных связей и отношений в функциональном ракурсе выражается институционально, а в структурном – организационно. Взаимодействие между функциями и структурами в системе общественных отношений приводит к формированию органов и институтов как, соответственно, структурированных функций и функциональных структур. Или, иначе говоря, посредством форм социальной структуризации институции организуются в институты, которые можно назвать институциональной организацией.

Институции есть социальные формы закрепления и воспроизводства функций объектов и субъектов общественного бытия. Это – системы функциональных отношений дифференциации и интеграции видов деятельности, определяющие образ жизни ее субъектов. Они относятся как к действующим людям, так и к используемым ими предметам, придавая им особый социальный статус. Ведь создаваемые и используемые институционально оп-

ределенными людьми предметы также обретают институциональные формы, что выражается в их социальном назначении и применении. Искусственные продукты человеческой деятельности приобретают социальные роли и статусы предметов труда или роскоши, потребления или производства, досуга или культа, которые есть отраженные опредмечиванием статусы людей.

Институты есть социальные формы структур, закрепляющих и воспроизводящих институции, или функционально специфицированные модели общественных организаций. Это – системы структурных отношений между людьми в процессе локализации и реализации функций, субъектно персонифицированных и специфицированных в конкретных организациях. Содержание института составляют связи и отношения между институционально определенными и организованными людьми.

Вызывает сомнение доминирующая в современной науке трактовка институтов как внешних «рамоч», ограничений действий субъектов и их агентов посредством различных норм, правил, обычаев, контрактов и т. д.⁵ Становится непонятным, как же в результате действия институтов могут сокращаться транзакционные издержки, если при этом количество препятствий у социальных акторов возрастает? Поскольку «институты уменьшают неопределенность, структурируя повседневную жизнь», они, по замечанию А.Н. Нестеренко, все же – «набор ограничений, внутри которых человек свободен и может поступать так, как подсказывает ему его чувства, желания и интересь» (Нестеренко, 2002, с. 308).

Однако уже в трудах В.О. Ключевского имеется понимание того, что институты по своей природе являются не только ограничениями, рамками, но и средством раздвижения границ возможностей субъекта. Рассуждая о сословном делении общества, ученый пишет: «Существенным и наиболее осязательным признаком сословного деления служит *различие прав, а не обязанностей*. Довольно простого анализа обоих этих понятий, чтобы видеть, что, когда речь идет о сословном различии обязанностей, то при этом разумеется собственно различие прав: обладая различными правами, классы общества могут нести одинаковые государственные обязанности; но если на них положены неодинаковые обязанности, то они не могут обладать равными права-

ми» (История сословий..., 1914, с. 2). Права институциональных субъектов, следовательно, представляют для них известные возможности, тогда как обязанности накладывают определенные ограничения на их деятельность.

Гипертрофированная жесткость ограничений и норм реализуется в крайней форме институтов — кастах. Касты «разрывают» общество, несокрушимыми стенами отгораживая друг от друга его членов, препятствуя постепенному «рубцеванию» институциональных противоречий. Дезинтеграция общества на касты часто происходит в эпохи общественных «взрывов» и потрясений при отсутствии или неэффективности соответствующих институциональных «амортизаторов», как это было, в частности, в поздней Римской империи (Ростовцев, 2001, с. 232).

Следовательно, в основе природы институциональных феноменов лежит, выражаясь языком XIX в., «возревание», то есть стремление к более высокому общественному положению, статусу, а не «воспятие», иначе говоря — препятствие, помеха или ограничение возможностей. Принцип приоритета прав (расширения институциональных возможностей) был положен В.О. Ключевским в основу выделения сословий Русского государства. Существующие же в реальности ограничения и параметры «русла» институтов как социальных составляющих «варьируются», но и степень их отличия также неодинакова — от воображаемой тонкой линии до широкой промежуточной области» (ван Геннеп, 1999, с. 175).

Очевидно, что в предлагаемой интерпретации институты — это не «правила игры», а организации — отнюдь не «игроки», как это представляет Д. Норт в рамках развиваемой им «игровой концепции». Он сам это неявно отвергает, когда утверждает, «говоря профессиональным языком экономистов, институты определяют и ограничивают набор альтернатив, которые имеются у каждого человека» (Норт, 1997, с. 18) Иными словами, институты создают и воспроизводят правила поведения, но не сводятся к ним. Институты и институты масштабнее своих продуктов, хотя и воплощаются в них, а нормы, статусы, правила, контракты и т. п. — это лишь различные виды их продуктов и инструментов.

Как можно назвать правилом поведения предприятие, партию, налоговую инспекцию, университет, дом терпимости, биржу или церковь? Всем им соответствуют свои правила и нормы поведения, которые, однако, не только не исчерпывают содержание институтов, но и постоянно меняются в их эволюции, под влиянием инновации и рутинизации. Кроме того, мир, моделируемый в игре, всегда упрощен, конечен, замкнут и однозначно задан, что не характерно для действительности, которая всегда открыта инновации и богаче своей исходной модели. Жизнь постоянно эволюционирует, меняя правила и нормы, статусы и роли.

Институты создаются для разрешения конкретных проблем бытия посредством генерирования необходимых правил. Они основаны на общественном согласии относительно необходимости выделения конкретных институций и признании тех или иных правил их воспроизводства. «Согласие по конкретной проблеме достигается отнесением ее к определенному классу проблем или переносу в контекст определенных правил, называемых релевантными в данном случае. Именно обнаружение правила, по поводу которого мы можем согласиться, ведет нас к соглашению в каждом конкретном случае» (Хайек, 1990, с. 44).

Нормы и правила, регламенты и табу, стандарты и ритуалы, обычаи и статусы не тождественны институтам, но становятся их неотъемлемыми атрибутами. Они воплощают в себе результаты и факторы воспроизводства институтов, инструменты механизма их функционирования. Следовательно, институты — это не только ограничения и эндогенные рамки человеческой деятельности. Дж. Ходжсон вынужден признать, что «институты одновременно и накладывают ограничения на поведение, и расширяют его возможности. Вообще говоря, сам факт существования правил подразумевает ограничения. Однако благодаря ограничению могут открыться новые возможности, а именно могут появиться варианты выбора действий, которые при отсутствии данного ограничения не существовали бы» (Ходжсон, 2003, с. 12). Косвенно с этим соглашается и Н. Флигстин, отмечая, что, хотя «правила выступают в качестве источника ограничений, они также открывают и новые возможности. Этим подчеркивается, что акторы сами осуществляют свой выбор и что они дей-

ствуют в целях обеспечения наиболее позитивных результатов для самих себя. Попадая в определенную ситуацию, акторы оценивают свои ресурсы и предпочтения, а затем выбирают способы действия, направленные на максимизацию этих предпочтений» (Флигстин, 2002, с. 131).

Институции и институты (как продукты человеческой деятельности) существуют объективно вне отдельных людей, которые становятся их агентами посредством интериоризации и экстериоризации соответствующих статусов. Но одновременно все институты и институции представлены конкретными носителями их свойств – агентами. Каждый агент индивидуально исполняет свои функции, внося элементы неповторимого единичного во всеобщие институциональные характеристики, приобретает и играет особые роли (лидеры, новаторы, рутинеры, консерваторы, фланеры, трансляторы, реформаторы и т. п.). Внутри институтов и институций образуются различные специфические «случки», вертикально и горизонтально связанные по способностям и интересам группы агентов (слои и уровни, фракции и страты, центр и периферия, круги и фланги и т. п.). Институция, институт и статус неизбежно приобретают свойства всеобщего, особенного и единичного.

Институциональный человек транслирует свою принадлежность к институции и институту открыто или скрыто в зависимости от их общественной ценности и степени признания. Внутри них он обретает свой внутренний и внешний статус, который находит свое выражение в доходе и издержках в конечной форме всеобщего эквивалента.

Общий статус человека складывается в процессе его институции, когда он присваивает или отчуждает определенный комплекс норм и правил общественной жизни, осуществляет его воспроизводство. Человек представлен системой присвоенных им статусов, которыми он наделен путем вменения или выбора не только от рождения. Сама деятельность, ее факторы и результаты в конечном счете определяют систему конкретных социальных статусов человека, общее направление и динамику ее развития.

Степень присвоения и отчуждения статусов, норм и правил может значительно различаться. Один человек лишь «примеряет» себе институциональные продукты и факторы, другой привле-

кает их в свою жизнедеятельность регулярно, третий постоянно и непрерывно привержен их воспроизводству. В каждом человеке мы также находим одновременно функционирующее сочетание всех описанных вариантов. Одними статусами индивид (сообщество, общество) только пользуется, извлекая из них свою пользу; другими владеет, создавая, распределяя, обменивая и потребляя различные институциональные продукты; третьими распоряжается, устанавливая свой институциональный порядок. Таким образом, можно выделить сложную систему субординации и координации отношений присвоения и отчуждения институциональных условий, ресурсов, факторов и продуктов для отдельных людей, их групп и сообществ. Особенно интересным представляется исследование проблемы институциональных запасов и резервов в человеческой жизнедеятельности. Но отношения институциональной структуры собственности, а также многообразие и метаморфоза ее институциональных объектов пока не стали предметом специальных исследований.

Статусы человека могут интегрироваться, дифференцироваться и комбинироваться в процессе его жизнедеятельности (даже независимо от него), создавая вертикальные, горизонтальные и смешанные статусные комплексы. Среди статусов есть как базовые, ведущие, наиболее актуальные и значимые, так и производные, зависимые, незначимые, неактуальные. Особо следует выделять явные и неявные, формальные и неформальные, легитимные и теневые статусы.

Однако общество непрерывно оценивает каждого индивида как субъекта деятельности системно, исходя из всех его институциональных обязательств и предпочтений, и определяет его общий статус. Эта оценка ведется по выявленной индивидуальной комбинации совокупности его статусов в конкретном сообществе. В связи с этим можно говорить о составе и структуре, функциях и масштабе, пространстве и времени системного статуса как особой характеристики человека. Институциональные нормы, которые эволюционируют во времени, формируют границы этого пространства, постоянно изменяя его контуры. Исходный статус дает лишь потенциальную траекторию жизни, а реальная дорога жизни зависит от целей и эффективности деятельности конкретного человека в конкретных обстоятельствах.

Поразительно утверждение Ф.А. Хайека о том, что «в экономической системе с глубоким разделением труда у людей не может быть общих целей, а только общие правила поведения. Но именно такой подход большинство пока отказывается принять» (Хайек, 1990, с. 239). Но тогда отрицаются цели сохранения и поддержания общих правил, норм и институтов, которые обеспечивают эффективную жизнедеятельность людей. Ведь потеря статуса часто ведет к значительному росту транзакционных издержек, что противоречит интересам его носителей.

В значительно большей степени статусы – вынужденные или свободные приобретения жизнедеятельности человека. В этом смысле некорректно отождествлять институции и институты только с ограничениями; они предоставляют и возможности, определяют свободу индивида. Как никто не рождается сразу директором, менеджером, артистом или ученым, так и каждый может потерять свой исходный статус собственника, отца, гражданина, богача или бедняка в обществе.

3. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЫБОР НОМО *INSTITUTUS*

Институциональная система человечества изменяется вместе с саморазвитием его родовой сущности. Если универсальность человека определяется его отношением к окружающему миру и реализуется в деятельности, то экономические институции не могут не возникать вместе с другими институциями, но могут и должны изменяться вместе с ними в процессе эволюции родовой сущности человека.

Наивно предполагать, что экономические институты возникают после всех иных (родственных, религиозных, политических и т. д.), что неэкономические институты господствуют в Древнем мире, как это делали и делают многие ученые. Древние народы не могли жить без ведения хозяйства. Институции и институты хозяйства возникают, как только определяется пространство и время жизнедеятельности группы первобытных людей. За это пространство они борются, от него они кормятся, в нем они плодятся, рождаются и умирают как люди. Попытки некоторых обществоведов объяснить это гораздо более поздним возникновением термина «экономика» лишены всякого основания.

Исходные институции (естество и родство, существо и пространство, средство и мастерство, единство и общество, хозяйство и производство и т. п.) возникают не по очереди, а системно-целостно, характеризуя качественный скачок в эволюции реального мира и образование человечества. Они все изначально представлены неразвитым тождеством, затем переходят в развитое различие вплоть до противостояния и затем стремятся к синтезу зрелого состояния. Таковы основные закономерные стадии их эволюции.

Поскольку экономическая сфера по мере развития общества обособляется, то и экономические институции обособляются от иных – семейных, религиозных, политических, этических, культурных и т. д. Но доминанта экономических институций и институтов как базовых и в современном обществе сохраняется. Каждый человек подтверждает в своем выборе весь комплекс актуальных институций, но их влияние неравнозначно. В этом смысле можно говорить о непосредственном влиянии доминирующих социально-экономических институций на выбор и об опосредованном влиянии на него вторичных или производных институций.

Развитие каждого человека происходит через механизм выбора условий, ресурсов, факторов и продуктов его жизнедеятельности. Индивидуальный выбор, кроме прочего, исходит из критериев сложившейся системы институций и статусов конкретного человека, обусловленных организационно институтами, агентом которых он является. Следовательно, справедливо: если $Ch \equiv Q$, то $Ch = f(A, T, Rn, Ins, O, Inf)$, где Ch – выбор.

Принятие решений статусным человеком исходно предполагает институциональный аспект. Насилие ли это относительно человека или благо? Включает ли рациональность институциональный аспект изначально? Учитывает ли рациональность статус человека и выбирает ли он рационально то, что соответствует его статусу? Или рациональность предшествует институциональной коррекции выбора? Традиционные принудительная и ограничительная теории институтов не позволяют понять их как источник благ и свобод для своих агентов.

Если человек осуществляет свой выбор вопреки своему статусу, то он теряет преимущества отношения к определенному

институту. Издержки его выбора растут, поскольку предполагают дополнительные затраты на восстановление соответствия своему статусу в будущем. Здесь действуют законы гомеостаза и гистерезиса относительно статуса человека. Странно, что до сих пор бытует мнение, согласно которому институциональный фактор порождает отклонение от рационального поведения...

Конечно, экономическую науку, как справедливо считал А. Маршалл, особенно интересует та сторона жизнедеятельности человека, «где он чаще всего высчитывает выгоды и невыгоды какого-либо конкретного действия, прежде чем к нему приступить». Но не менее важна и «та сторона его жизни, в которой он, следуя привычкам и обычаям, поступает в данный момент без предварительного расчета, но при этом сами эти привычки и обычаи почти наверняка возникли в процессе тщательного выявления выгод и невыгод различных образов действий» (Маршалл, 1993, с. 76–77). При этом «то, что делает один образ действий предпочтительнее другого, вовсе не обязательно сводится к корыстной или материальной выгоде» (там же, с. 77).

Под влиянием различных экзогенных факторов процессы восприятия, осмысления, синтеза, интерпретации информации и последующего выбора могут утрачивать элементы адекватности и приводить к отклонениям от рациональности выбора. «Надо не только думать о рациональном, а иметь и нелогический, нерациональный канал мотивов каких-то поступков» (Раушенбах, 2003, с. 398). Но сознательный, то есть учитывающий возможные доходы и потери, выбор, сделанный в соответствии с реальным статусом индивида или группы лиц, следует считать рациональным, поскольку он обусловлен институцией как эндогенным фактором. «Рациональность – относительно устойчивая совокупность правил, норм, стандартов, эталонов духовной и материальной деятельности, а также ценностей, общепринятых и однозначно понимаемых всеми членами данного сообщества (социальной, профессиональной или этнической группы, класса, сословия и т. п.)» (Философский словарь, 2001, с. 485). Значит, рациональность имманентно содержит в себе институциональность как фактор осуществления.

Предпочтения не всегда явно и непосредственно ведут к повышению дохода, но учитывают также и возможность эконо-

мии издержек, в том числе социальных (институциональных), за счет преодоления таких ситуаций, которые могут «подмочить репутацию», спровоцировать неловкость, «выставить в дурном свете», создать «затруднительное положение» и т. д. Лишь при первом приближении кажется, что отклонения от рациональных решений бескорыстны. Рациональному субъекту ясно, что игнорирование общественных установлений и персонализированных им институций обернется в будущем дополнительными издержками и потерями. Он просто не хочет их осуществлять и терять не видимую глазом выгоду. Он помнит, что другие агенты общей с ним институции зорко наблюдают за ним и обвинят его в оппортунистическом поведении, а потом потребуют плату за это.

Реальные решения и выборы основаны на действительных условиях, ресурсах и факторах осуществления имеющихся у субъекта (ов) целей. Рационализм основывается на способности разума постичь реальность и принять разумное решение в действии или поведении. «Рациональное решение, действие – продуманное, взвешенное решение, принятое на основе выбора, сравнения вариантов и учета многих факторов, выгодное целесообразное решение» (Райзберг, Лозовский, Стародубцева, 1997, с. 277). Рациональный выбор осуществляется как разумно обоснованный, целесообразный и целенаправленный. Рациональный выбор есть сознательное целесообразное действие или рациональная функция. Можно ли сказать, что функция выбора имеет значения, которые получаются в результате применения к независимому переменному конечного числа действий сложения, умножения и деления?

Рациональность включает в себя институциональность, и наоборот. «Имеется много признаков того, что в решающих моментах для человека большую роль играет не только логика, но и внелогическое знание» (Раушенбах, 2003, с. 211). При выборе, когда индивид затруднен в своем рациональном решении, часто активно «работает внелогическое чувство красоты, наше подсознание гармонизирует "хаос", который возник от беспешной деятельности логической части сознания» (Раушенбах, 2003, с. 212).

Действие в соответствии со своим статусом рационально, поскольку направлено на сохранение и воспроизводство этого

статуса. Подлинно свободный и рациональный субъект осознает необходимость реализации в своем выборе имеющегося институционального статуса, то есть всего индивидуального комплекса своих институций, определяющих его образ жизнедеятельности, и становится хозяином собственной судьбы, насколько вообще в силах человека «быть хозяином своей судьбы».

Институционально обусловленный выбор не означает, что осуществляющий его субъект становится инструментом институтов. Он лишь агент институтов и может выбирать участие в них в разной мере, а также отвергать иные из них полностью. Если институты делают своих агентов инструментами достижения чуждых их большинству целей, то это вызывает или полную потерю свободы, или оппортунистическое поведение субъекта, и, в соответствии с этими состояниями, – вынужденный или протестный выбор.

Синдром оппортунизма – это стечение, сочетание признаков отступнического (по отношению к принятым обязательствам) поведения, имеющих общую причину возникновения и механизм воспроизводства, в устойчивый комплекс реакций индивида, характеризующийся ослаблением лояльности институту или институции. Нельзя утверждать, что от людей зависит выполнение какого-либо дела целиком, ибо оно может быть выше их сил. Следовательно, ограничение исполнения действия существует объективно. Но от человека зависит сам процесс его осуществления. Если достижение определенного конечного результата может быть кое-кому не под силу, то продвижение по пути доступно каждому.

Нельзя утверждать абсолютной полноты свободы выбора, поскольку люди не всегда могут переменить свое положение или судьбу, избрать иное бытие и развитие событий. Однако они и не лишены свободы выбора совсем, только этот выбор предстает своеобразно для каждого в соответствии с его положением в обществе, его статусом. Ф.А. Хайек критикует картезианский подход, согласно которому «хороши только те правила, которые врожденны или выбраны сознательно, тогда как все остальное – результат случая или каприза» (Хайек, 1990, с. 229). Однако в рамках любого случая человек пользуется ранее «усвоенными» любым способом правилами и применяет их сознательно. Ведь

бессознательная деятельность вообще не может быть квалифицирована как вполне человеческая.

Действие, направленное на отторжение статуса, возникает не только из неудовлетворенности им и стремлением к отказу от него, но и при невозможности подтверждения статуса (деньгами, дарами, действиями, связями и т. д.). В последнем случае рациональный выбор отсутствует, и поведение агента не должно определяться как оппортунистическое в институциональном плане.

Выбор заключается не в обязательной перемене статуса, неизбежно и своеобразно складывающегося для каждого человека, а в принятии решения по поводу участия в осуществлении своей собственной институциональной судьбы. Перед человеком иногда встает и такой выбор: либо продвинуться вперед на этом пути, либо остановится, отказавшись от личного участия в осуществлении институций и институтов, агентом которых он является. По существу, встать означает отстать, или идти назад в своем институциональном развитии, к потере актуальной институциональности.

Свобода институционально обусловленного выбора дается каждому, но реализовать ее удастся не всем. Для того, чтобы включиться в такой выбор и в нем осуществить адекватное воплощение любого своего статуса, требуется знание норм, правил, ритуалов, обычаев, процедур института, определившего этот статус. Рациональный субъект должен произвести оценку своей объективно обусловленной институции.

Неполное включение в выбор институционального компонента означает институционально несоответствующее или оппортунистическое поведение субъекта, навязанное ему извне чужой монополией на его решения. Оно предполагает, что агентство данного субъекта в том или ином институте неэффективно или неэффективен сам институт. В этом ракурсе интересно замечание Ф.А. Хайека: «Мы должны, наконец, понять, что современный общественный строй есть не результат сознательного планирования, а результат выживания более эффективных институтов в процессе конкуренции» (Хайек, 1990, с. 228). Причем институциональная конкуренция происходит параллельно на разных уровнях социального бытия:

- во-первых, при «подборе» институций в индивидуальный «набор», когда отдельные агенты осуществляют выбор между различными институциями, сравнивая их предельную полезность для себя и рыночную цену вступления в соответствующий статус;
- во-вторых, внутри «набора» институций конкретного человека, то есть между уже присвоенными статусами, когда выбор осуществляется в основном с позиций актуальной и потенциальной эффективности имеющихся институций для достижения жизненных целей;
- в-третьих, между институциональными «наборами» разных людей;
- в-четвертых, эволюционная конкуренция между новыми и традиционными институциями, между институциональными новациями и рутинами.

В последнем случае человеку, поднимаемому на новый уровень своего бытия, соответственно требуется институциональное закрепление соответствующих новых функций и типовых действий. И не обязательно, что наиболее целесообразными окажутся новые институции, напротив, вполне возможно, что старые останутся «непобежденными», подтвердив свою эффективность и устойчивость.

Каждый рациональный субъект обладает в той или иной мере знанием своего системного статуса как совокупного результата противоречивого взаимодействия отдельных статусов многих институтов, в которые он включен. При принятии решения он стремится оптимизировать институциональный компонент своего выбора исходя из той полноты информации, которая сложилась в его сознании. Степенью этого сознания и внешними ограничениями определяется степень его нерациональности. В этом процессе проявляется иерархия и гетерархия его статусов, и обычно (хоть и не всегда) выбор определяют только наиболее значимые из них с незначительным учетом второстепенных и ничтожных. Оптимальная для актуального пространственно-временного континуума комбинация статусов определяет выбор рационального субъекта. Этот выбор и есть рациональный с точки зрения институционального дохода и снижения институциональных издержек: $Ch = \Phi (Y_{Ins})$.

Реальный институциональный выбор совершается не в тепличных условиях неоклассической реальности с ее кладбищенской тишиной и вечным покоем, отражающими экономическую суть нулевых транзакционных издержек. На индивидуальные и коллективные комбинации институций влияют многие моменты, в том числе накопленный институциональный опыт, связанный с многократным воспроизведением своих ролей, и способности к обучению. Но если, с одной стороны, «неоднородный опыт жизни, таланты, интуиция и др. в совокупности определяют композицию (дальнейшего. — *О. И.*) обучения» (Iribarren, 2003, p. 6), формирования новых навыков и рутин действия в изменившихся институциональных условиях, то с другой — аккумулярованная в течение многих лет совокупность практик и техник исполнения некоторых частичных трудовых функций как бы «кристаллизует» индивида, жестко фиксирует контуры его институциональной сферы, издержки преодоления инерции которых чрезвычайно велики. Более того: в конечном итоге «нет никакой возможности проверить, какое решение лучше, ибо не существует никакого сравнения (а если и существует, то только относительное. — *О. И.*). Мы проживаем все разом, впервые и без подготовки. Как если бы актер играл свою роль в спектакле без всякой репетиции» (Кундера, 2004, с. 14). Высказанная М. Кундерой мысль подтверждает факт девальвации любого, даже самого значимого институционального опыта с течением времени, необходимость его коррекции адекватно изменениям внешних условий.

Процесс институционального выбора базируется на мысленном уравновешении актором настоящих и будущих выгод от потенциально «своих» институций, исходя из чего и осуществляются комбинации элементов социально-функциональных сфер акторов. Трудность учета неопределенности в процессе мысленного конструирования будущего ведет к тому, что каждый институциональный выбор порождает систему интернальных (для самого агента) и экстернальных (для ближнего и дальнего окружения, общества в целом) рисков, которыми можно и нужно управлять⁶.

«Человек институциональный» постоянно, многогранно опередмечивает и воспроизводит себя в предметах своего выбора — действиях, продуктах, средствах, целях, ценностях, образах, символах... Одновременно человек институционально распределмечивает окружающий его мир, социально закрепляя за создаваемыми искусственными вещами новые функции.

Со-бытие «человека институционального» с социальной средой реализуется через присвоение факторов и продуктов производства для формирования исходных условий своего бытия, предполагающего приложение целесообразных «усилий во времени» (М. Пруст) путем активного творческого универсального изменения себя с последующей трансформацией общества через отчуждение продукта. И, наконец, сам *homo institutus* — особый процесс, перемещающаяся в пространстве и времени хозяйственной системы точка реализации всех ее институций — прошлых, настоящих и будущих, так как любые проекты, продукты и эффекты структурных трансформаций в конечном итоге «отзываются» на человеке, меняя его определенным образом.

В нашем понимании *homo institutus* — человек, балансирующий в поисках меры своих институтов и институций в «бескрайнем море» институциональных альтернатив. Каждый актер одновременно творец институций и их раб, заложник действующей социальной структуры и ее «подрывной элемент», единственная цель всех создаваемых институтов и средство их утверждения в обществе. Он то хаотично, то планомерно смещается, мечется, застывает между стремлением поддержать свои номинальные статусы и желанием реализовать свой потенциал в других функциональных формах, между тягой к выходу за все пределы и потребностью жить полностью упорядоченной «правильной жизнью», между конформизмом и дисформизмом. *Homo economicus*, как и любой реальный человек, непрерывно совершает институциональный выбор, более того, каждый его выбор характеризуется явно или неявно выраженной институциональной «окраской».

Эволюционируя, создавая новые и изменяя уже существующие институты и институции, современный *homo institutus* ожесточенно и одухотворенно пытается совместить преодоление

отчуждения от экзогенных по отношению к нему социально-функциональных форм и самоликвидацию рабства от вменяемых и навязываемых ему моделей, шаблонов, алгоритмов и эталонов целевого действия.

«Институциональный человек» начала XXI века своим реальным поведением кардинально отличается от традиционных моделей *homo economicus* и *homo institutus*, когда их представляют, соответственно, как «серого человека толпы» или «иррационального безумца». Во многом он приближается к креативному «отрицанию всего, что отдает апробированной идеей, традицией, заурядной структурой, основанной на страхе и на псевдовзаимных выгодах. Он без труда мог бы стать Робинзоном. Он не мизантроп, но в мужчинах и женщинах принимает лишь те их стороны, которые не подверглись формовке со стороны общественной надстройки; и у него самого тело – наполовину в матрице, и он это знает, однако его знание активное, оно не чета смиренню, кандалами виснущему на ногах... <...> ...иная, тайная и не дающаяся чужому взгляду свобода творится в нем, но лишь он сам (да и то едва ли) мог бы проникнуть в суть ее игры» (Кортасар, 2004, с. 411–412).

Литература

Бабинцева Н.С. Некоторые новые подходы в экономической теории: Очерки. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003.

Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999.

История сословий в России проф. В. Ключевского: Курс, читанный в Московском университете в 1886 году. М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1914.

Качалов Р.М. Управление хозяйственным риском. М.: Наука, 2002.

Кортасар Х. Модель для игры. М.: Изд-во «ЭКСМО»; СПб.: Изд-во «Домино», 2004.

Кундера М. Невыносимая легкость бытия. СПб.: Азбука-классика, 2004.

Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Издат. группа «Прогресс», 1993. Т. I.

Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория / Отв. ред. Л.И. Абалкин. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экон. книги «Начала», 1997.

Олейник А.Н. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2000.

Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997.

Раушенбах Б.В. Праздные мысли: Очерки. Статьи. Воспоминания. М.: Гареева: Аграф, 2003.

Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи: В 2 т. СПб.: Наука, 2001. Т. II.

Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001.

Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001.

Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2002.

Хайек Ф.А. Общество свободных. L.: Overseas Publication Interchange Ltd, 1990.

Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003.

Шаститко А. Условия и результаты формирования институтов // Вопросы экономики. 1997. № 3.

Шаститко А.Е. Неинституциональная экономическая теория. М.: Экон. фак. МГУ: ТЕИС, 1998.

Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001.

Best M.H. The New Competition / Institutions of Industrial Restructuring. Polity Press, 2002.

Eggertsson T. Economic Behavior and Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Hodgson G.M. Economics and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics. Polity Press, 1988.

Iribarren D. From Economic Activity to Understanding Spaces / ESRC Centre for Research on Innovation and Competition. 2003. March.

Nee V., Ingram P. *Embeddedness and Beyond: Institutions, Exchange, and Social Structure* // *The New Institutionalism in Sociology* / M. Burton and V. Nee, eds. N. Y.: Russel Sage, 1998.

North D. *Institutions* // *J. of Economic Perspectives*. 1991. Vol. 5:1.

North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

---

¹ Вместе с тем статус человека в достаточной степени не стал еще предметом категориального описания диалектической логики, системного подхода и отдельных философских систем.

² См. переведенные на русский язык работы указанных авторов (Норт, 1997; Эггертссон, 2001; Ходжсон, 2003).

³ См. оригинальные произведения (North, 1990; Eggertsson, 1990; Hodgson, 1988).

⁴ См., например, работы (North, 1991; Nee, Ingram, 1998; Best, 2002).

⁵ Такой подход представлен в работах (Шаститко, 1997, с. 67; Шаститко, 1998, с. 84; Олейник, 2000, с. 188) и др.

⁶ Анализ подходов к управлению рисками см. в работе (Качалов, 2002).

Глава 3

АГЕНТЫ И ИНСТИТУТЫ: К ПРОБЛЕМЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА

В последние десятилетия XX века произошли не только кардинальные перемены в реальной экономике, связанные с изменением социально-экономического уклада целого ряда стран (переход от социализма к капитализму, геополитические изменения) и мирового сообщества в целом (глобализация, Интернет), но и весьма существенные сдвиги в теоретическом базисе экономической науки (см. табл. 1). Взамен традиционных для основного течения экономической теории представлений о рыночной экономике как «пустом» пространстве —

Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат: CEV Press, 1996.

Уотермен Р. Фактор обновления: Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании. М.: Прогресс, 1988.

Управление персоналом: Энциклопедический словарь / Под ред. А.Я. Кибанова. М.: ИНФРА-М, 1998.

Фролов Д.П. Эволюция российского экономического институционализма (IX–XX вв.): Автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / ВолГУ. Волгоград, 2003.

Benne K.D., Chin R., Bennis W.G., Corey K.E. The Planning of Change. CBS College Publishing, 1976.

Kirman A.P. Whom of What Does the Representative Individual Represent? // Journal of Economic Perspectives. 1992. № 6 (2). Spring. P. 17–36.

Глава 8

ЧЕЛОВЕК — ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Универсальная сущность человека определяет бесконечное множество фиксируемых за ним институций, на основании которых он действует в обществе. Этим же обусловлен системный характер институциональных форм и содержания конкретных акторов, позволяющий выделять их из социальной среды, идентифицировать и классифицировать.

Всякий человек представляет собой институциональную систему, если вклад, вносимый всеми присвоенными им институциями в создаваемый продукт, больше, чем при их осуществлении по отдельности или в других комбинациях (связках). Своего рода «твердое ядро» институциональной системы человека составляют реализуемые им институции, а относительно более динамично меняющаяся «защитная оболочка»¹, или транзакционное поле, представлена их атрибутами — статусами и ролями, нормами и правилами, убеждениями и устоями, чинами и зва-

ниями, должностями и степенями, привычками и ритуалами, рутинными и традициями и т. д.

Утрачивая системное качество своих институций, индивид теряет социальную определенность, его деятельность становится все более рискованной и затратной, а сам он трансформируется во внутренне противоречивое «суммативное множество»² статусов. Но наряду с конкуренцией институций объективно существует и принцип их дополнения в «наборе» каждого конкретного актора или, шире, хозяйственного субъекта. Поэтому при выборе и кооптации человеком новых институций в свою систему целесообразно учитывать ее состав и структуру, а также прошлые, настоящие и намечаемые параметры эволюционной траектории, чтобы не упустить выгоды от социально-функциональной синергии и избежать эффекта «убивающей» отдачи от «неподходящих» институций.

1. ЭЛЕМЕНТЫ И ИНДИКАТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА

Пониманием наличия и важной роли институциональных систем индивидуальных акторов продиктована необходимость перехода к их моделированию, которое в первом приближении осуществим при помощи концепта сферы. Введем понятие институциональной сферы, то есть конкретного набора институциональных отношений, в которые оказывается принудительно или добровольно «втянутым» человек, ведущий хозяйство. Хозяйственные субъекты действуют и взаимодействуют на основе занимаемых статусно-ролевых позиций, где их статус является непосредственным результатом институции, а выполняемые роли представляют собой его конкретные динамические вариации в разных положениях и ситуациях, отражающие рациональность и эффективность организации деятельности.

Абстрактно институциональная сфера состоит из статусно-ролевых позиций как точек своей поверхности. Статус и роль могут рассматриваться как гено- и фенотипическая (обусловленная внешними факторами) формы функции хозяйственного субъекта. В статусе институция как бы фиксируется, «застывает», тогда как роли экономических акторов предстают ее динамичес-

кими характеристиками, наполняя статус агента реальным содержанием в различных обстоятельствах. Статусно-ролевые позиции людей в институциональной системе общества отражают диалектическое единство статики и динамики институций. Определенные статусы задают точки социальной «привязки» хозяйственных субъектов, устанавливают границы их действий и взаимодействий, тогда как выполняемые на основе статусов роли и их комплексы («репертуарь») позволяют адаптивно реагировать на изменение условий, ресурсов, факторов, резервов и продуктов деятельности, на акции конкурентов и происходящие события. Поэтому условный показатель «площади поверхности» институциональной сферы человека выступает индикатором его транзакционного потенциала. Чем выше данный показатель, тем с большим количеством хозяйственных субъектов разного социального типа могут быть налажены связи и отношения, так как каждая точка поверхности может рассматриваться как пункт потенциальной «встречи» акции и реакции на основе институционального соответствия их субъектов.

Функциональная взаимосвязь элементов институциональной сферы требует более подробной интерпретации. Содержательно данная сфера представлена институциями, которые понимаются как социальные формы типизации и воспроизводства функций, закрепленных за хозяйственными субъектами; статусами как непосредственными продуктами институций и их атрибутами (неотъемлемыми свойствами), представляющими в многообразии форм проявления. К последним можно отнести нормы, правила, ценности, привычки, обычаи, этические принципы, традиции, запреты, законы, кодексы, статуты, чины, титулы, звания, должности и т. д. Совокупность атрибутов каждой институции формирует вокруг нее особое силовое поле, в котором ее агенты могут устойчиво и безопасно воспроизводить социально закрепленную за ними функцию, осуществлять взаимовыгодные транзакции и вести производство.

Среди характеристик социального статуса особо выделим понятие стояния (*status erectus*), то есть позиции данного хозяйственного субъекта в отношении других. С точки зрения неофрейдизма в статусе сконцентрировано активное мужское, фаллическое начало, связанное с продолжением рода, в том числе с

сексуальной функциональностью. В социальном смысле статус связан прежде всего с обеспечением условий, ресурсов и факторов воспроизводства отдельного человека и его семьи, что позволяет субъекту устойчиво развиваться, образно говоря – экономически «стоять на ногах» (от лат. «sta» = «стой», «стоять»), то есть устояться. Другими характеристиками статуса актора являются его поза, позиция, состояние (ранг статуса относительно всех остальных или эталона, его имущественное отражение), рост, манеры, осанка, положение (status praesens – настоящее положение вещей), обстоятельства, обеспеченность, благосостояние (потребительский аспект состоятельности), гражданское состояние (местонахождение в политической структуре общества), сословие, звание, общественная ступень, достоинство (Дворецкий, 2000, с. 726).

Стояние как базовая характеристика статуса лингвистически и феноменологически пересекается с понятием стоимости, порождая дихотомию глаголов «стоять – стоять». Поскольку институции, с одной стороны, соответствуют потребностям людей и обладают полезностью, а с другой – требуют осуществления затрат на их воспроизводство, то они обладают стоимостью. Отношение полезности к стоимости выражает ценность институции в статусе, который она присваивает своему агенту. Статус также обладает полезностью и стоимостью не только для своего носителя, но и для общества (см. подробнее: Иншаков, 2003).

Несмотря на то, что институции – реальное социальное явление, их, равно как статусы и иные формы атрибутивного сопровождения, можно представить лишь мысленно. Это никоим образом не противоречит действительной силе институций как важного фактора общественного бытия, результаты которого неизменно «материализуются» в величине располагаемых благ, масштабе и специфике ведения хозяйства, уровне рисков и структуре ограничений, потенциале взаимодействий с другими людьми и т. д. Для своих агентов институции характеризуются вполне определенными затратами и доходом, причем в нормальных условиях чем выше доходность институций, тем выше уровень затрат на поддержание соответствующего статуса. В этом проявляется природа социального статуса как продукта производства и особого товара. Не случайно институциональные субъекты и агенты

неизменно конкурируют между собой за ограниченные на каждый момент времени факторы и ресурсы развития.

Номинальные статусы, отличая актора от других, являются нарицательными, вмененными ему извне, отражающими поверхностное восприятие его социального содержания, тогда как реальные – «скрыты в глубинах» его институциональной сферы. Двигаясь к достижению целевых (желаемых) статусов, актер сверяется с «разбросанными» в социальном пространстве-времени институциональными эталонами. Смысл последних раскроем на примере фильма «Кавказская пленница», где в сжатой форме был определен эталонный статус простой советской девушки: «Спортсменка, комсомолка и, наконец, просто красавица!».

Каждый статус выступает суммарным продуктом, агрегирующим и в снятом виде отражающим статусы, относящиеся к нижестоящим уровням социальной иерархии. Осознать этот факт помогает изучение биографий президентов, академиков, ректоров, губернаторов, генеральных директоров и др., на пути к достижению своей институции поступательно сменивших множество социальных позиций, вбирая в каждой из них позитивные рутины, накапливая институциональный опыт и проявляя свой человеческий потенциал. Например, чтобы стать президентом США, необходимо быть добропорядочным семьянином, иметь «чистую» репутацию и успешную карьеру, связи в партийных и корпоративных кругах, наконец, обладать харизмой и ораторским мастерством. Агрегированные статусы связаны функционально, но не жестко: $S_{i+1} = f(S_i)$, где S – социальный статус актора, i – его ранг в социальной иерархии. Иначе говоря, назначение субъекта A на должность судьи не имеет ничего общего с его статусом отца, а лишение субъекта B статуса водителя не связано с его расовой принадлежностью.

Для осмысления принципов экономического выбора уточним, что комплексный социальный статус человека (S_c) формируется из взаимодействия действительного и мнимого компонентов, детерминирующих характеристики индивидуального выбора ¹:

$$S_c = a + bi,$$

- где a — действительный статус, отражающий настоящее положение человека в обществе и его объективное восприятие;
- bi — мнимый статус, формируемый субъективно на основе рефлексии своего действительного статуса и соотношения его с социальным положением других людей, а также под влиянием фантазий, мечтаний, пристрастий, иллюзий, эгофобий и эгофилий и т. д.

Поведение, исходящее из ориентиров, приоритетов и императивов, задаваемых действительным статусом, является рациональным с точки зрения общества. На этом постулате основана вся современная теория рациональности, близкая к состоянию окончательной запутанности в своих теоретических конструкциях. Однако усложнение схемы экономического выбора без коррекции исходных методологических позиций приводит либо к недостаточно обоснованным выводам, либо к окончательной растерянности.

Но ведь каждый человек, воспринимаемый в институциональном ракурсе, уникален в своем поведении и отличается этим от других «носителей» одинакового с ним статуса. Поведение врачей, преподавателей, милиционеров, бомжей, предпринимателей, адвокатов, мусорщиков, бандитов и т. д. при сохранении особенностей, характерных для всех (или большей части) представителей этих статусов (a), уникально для каждого человека, отражая влияние субъективных представлений о своих функциях и позициях в обществе (bi), которые складываются из следования необходимым, целевым и недоступным (запретным) статусам, выступающим, соответственно, институциональными приоритетами, ориентирами и императивами в реальном поведении человека и его экономическом выборе.

Игнорирование мнимого компонента комплексного статуса человека привело теорию рационального выбора к ее актуальной ограниченности. И ограниченность эта связана не с рациональностью как онтологическим феноменом, а с неполнотой ее теоретической интерпретации. Ведь понятие рационального поведения, предполагающего осуществление в каждой конкретной ситуации выбора лучшего варианта из всех доступных, существен-

но различается в зависимости от ракурса его восприятия — объективного (со стороны общества) и субъективного (самим агентом). Если общество оценивает поведение человека в соответствии с его действительными статусами (*a*), то сам агент корректирует его исходя из мнимых статусов (*bi*) под влиянием конкретной транзакционной ситуации. Поведение, трактуемое обществом как иррациональное, то есть противоречащее действительным статусам актора, сам он может воспринимать как рациональное с поправкой на свои мнимые статусы.

Итак, рациональное поведение агента формируется исходя из действительных статусов на пути к целевым с достижением необходимых и с учетом недоступных (запретных) под влиянием транзакционной обстановки.

Вернемся к системе условных индикаторов состояния институциональной сферы. Ее «радиус» показывает максимальную величину институционального импульса субъекта, характеризуя силу и статусную обоснованность его акций. Институциональные сферы разных «носителей» могут совмещаться, при этом они как бы пробиваются, в результате чего неизбежно возникает конфликт комбинаций (комплексов) институций. Субъект, сфера которого больше по радиусу, оттолкнет конкурента, поглотит его или разрушит, что в экометрическом ракурсе выглядит как, соответственно, касание институциональных сфер, их пересечение и наложение большей на меньшую. Значительный потенциал институционального импульса позволяет актору задействовать в транзакциях относительно больше статусов, чем конкуренты, проявляя функциональную гибкость и будучи уверенным в своей безопасности.

Данный показатель тесно связан с индикатором институциональной «мощности», показывающим сумму статусов, которые субъект фактически реализует в единицу времени. Его величина будет выше у одинокой женщины, занятой на трех работах и воспитывающей ребенка, чем у рантье или предпринимателя, которые извлекают из одного своего статуса намного больший, чем она, доход.

Для объяснения этого кажущегося логического несоответствия введем показатель «объема» институциональной сферы, который демонстрирует достигнутые на данный момент времени

пределы функционального развития субъекта, его транзакционный масштаб. Структура институций в контурах сферы отражает ее сложность, поскольку она не полая, а насыщенная разнообразными интересами и целями, убеждениями и представлениями, ожиданиями и намерениями, стремлениями и иллюзиями, запретами и нормами, поведенческими установками и рутинами, ценностями и культурными артефактами и др. Поэтому допустимо говорить о «плотности» институциональной сферы, характеризующей условное количество статусов и атрибутов на «единицу» ее «объема», ведь такие сферы могут быть также «пустыми» или «пустынями»...

Действительно, статус выдающегося ученого или известного писателя позволяет осуществить множество транзакций разного типа. Но, если этот индивид не имеет семьи, детей, друзей, обделен уважением коллег, замкнут и нелюдим и т. д., то он не реализует свой институциональный потенциал полностью, а его сфера содержательно однородна. Напротив, человек с насыщенной, развитой институциональной сферой обладает огромными возможностями социальной адаптации: он всегда желанный гость, партнер, друг, любимый супруг и родитель. С большинством людей найдет он общий язык. Скука неведома ему, и мир для него все время открывается в новых гранях, что отражает структурную сложность институциональной сферы данного актора, многообразие и взаимное соответствие ее элементов.

Все факторы производства присваиваются и закрепляются за хозяйственными субъектами в институциональной форме имущества, выступая основой устойчивого развития акторов в социальной среде. Для их защиты и приумножения каждому человеку необходима адекватно развитая институциональная сфера, хотя величина показателей ее условных «радиуса», «площади поверхности», «плотности» и «объема» определяет далеко не все. Человек обретает себя лишь в действии, творчески и активно овладевая окружающей его естественной и искусственной природой, условиями, ресурсами и факторами бытия. Словами К. Кастанеды, «сила, которая зажигает поля, была названа волей» (Кастанеда, 2002, с. 593). От силы воли зависит и степень фактической реализации силового потенциала институций, закрепленных за хозяйственными акторами.

2 . П Р О С Т Р А Н С Т В Е Н Н О – В Р Е М Е Н Н Ы Е Т Р А Н С Ф О Р М А Ц И И И Н С Т И Т У Ц И О Н А Л Ь Н О Й С И С Т Е М Ы Ч Е Л О В Е К А

Строение индивидуальной институциональной сферы представлено единством связи, тождества и различия четырех аналитически выделяемых уровней:

Lis1 – уровень формирования психологии актора, его образа мыслей, характеристик процесса принятия решений (в границах от «импульсивно» до «обдуманно»), ценностной шкалы, витальной ориентации (от оптимистической до пессимистической), латентных предпочтений и ограничений, комплекса фобий и филий, привычек, традиций, моральных устоев и т. д., которые «подспудно» во многом определяют специфику хозяйственного поведения.

Lis2 – уровень включенности в отношения собственности, корректировки статуса в зависимости от набора реализуемых трудовых функций и возникающих в соответствии с ними имущественных правомочий. На этом уровне актуализируются трудовые статусы хозяина и работника, владельца и умельца, менеджера и директора и др.

Lis3 – уровень позиционирования актора в политической структуре общества, закрепления определенной гражданской позиции, чувства долга, отношения к власти и т. д. Эти процессы зависят от эффективности государства в реализации своих системных функций по созданию и поддержанию благоприятных условий воспроизводства капитала членами общества, институциональному выравниванию распределительных процессов, обеспечению широкого участия субъектов в социально-экономических процессах на всех уровнях реальной действительности.

Lis4 – уровень закрепления модели хозяйственного поведения, формирования потребительских стандартов, подключения к рыночным нормам и т. д. На этом уровне приобретаются и реализуются статусы, характерные для товарно-денежных отношений, такие как ловкач, толкач, торгаш, перекупщик, скупщик, оптовик, олигарх, ларечник, лоточник, дилер, маклер, брокер, скряга, транжира и др.

В пространственном аспекте институции выступают эндогенными и экзогенными детерминантами, определяющими па-

раметры институциональной сферы актора. Отражая поиск баланса этих детерминантов во времени, динамика контуров сферы показывает результаты приращения, стабилизации, обеднения или деградации социального содержания человека, экономическим выражением чего является изменение эффективности реализации способностей акторов и исполняемых ими функций, что отражается на их устойчивости и доходах, влияет на их ограничения и защиту в различных конкретно-исторических формах социализации.

Следует различать институции-эскалаторы ($\uparrow$, $\downarrow$) и институции-конвейеры ($\leftarrow$, $\rightarrow$). Эскалатор предполагает передвижение акторов в социальной вертикали. Так, в функциональной связке «рабочий – мастер – начальник смены – начальник цеха – начальник участка – ...» перемещение актора может происходить и в одном, и в другом направлении. Но наличие статуса дипломированного специалиста в сочетании с опытом работы на сложных объектах и симптоматическими признаками институций руководства и лидерства позволяют субъекту претендовать на быстрое продвижение в институциональной иерархии предприятия. Такие примеры наиболее распространены в формально-иерархических организациях (государственные учреждения, армия), где существует четкая «вертикаль» институций и порядок их прямой и обратной смены. Примером негативной ориентации институционального эскалатора является некий майор, разжалованный за пьянство в капитаны и заиклившийся в этом статусе до конца службы. Институции пьянства, разгильдяйства, попустительства, взяточничества и другие наиболее часто становятся факторами снижения статуса субъекта и, при многократном воспроизведении в качестве особых индивидуальных рутин, могут привести даже к элиминации актора из организации, то есть к его увольнению, а при пессимистическом варианте развития событий, отразив мультипликативное действие институционального эскалатора с негативной ориентацией ($\downarrow$) путем поочередного закрепления за человеком статусов осужденного, опущенного, освобожденного, тунеядца, бедняка, нищего, бомжа, калеку и т. д., могут привести к его «социальной гибели».

Институциональный конвейер суть механизм передвижения актора по статусной горизонтали, отражающий накопление

институционального опыта посредством многократного выполнения заданных и избранных ролей. Институции-конвейеры реализуют свою сущность в трех аспектах:

- Генетическое развитие в рамках институции, не предполагающее иерархических изменений статуса актора. Иначе говоря, статус меняется в рамках неизменной институции. Например, статус школьника меняется в соответствии с переходом из класса в класс, но его институция (ученичество) остается постоянной. Аналогично происходит изменение статуса студента в рамках соответствующей институции при переходе на более старший курс. Статус помощника депутата позволяет обрести сопутствующие связи (в том числе на основе институций дружества и знакомства), войти в узкие политические круги, вступить в выгодные коалиции, заручиться доверием влиятельных персон, открывая тем самым перспективы дальнейших успехов на политическом и смежных поприщах. Работник японской корпорации, приглашенный на завтрак к директору, и его коллега, получивший выговор или предупреждение, продолжают развиваться в своей институции, но в разных направлениях.
- Развитие в рамках институции за счет смены организаций. Статус человека отражает статус организации, в которой он задействован и реализует свой потенциал. Так, бармен, шеф-повар, водитель, секретарь, ученый и т. д. повышают свой статус, меняя место работы на все более престижное, и наоборот.
- Развитие за счет подключения к комплементарным (взаимодополняющим) институциям. Обретение определенного статуса связано с исполнением ряда, в различных аспектах связанных с ним, трудовых функций. Например, получение ученой степени доктора наук и развитие актора в данном статусе постепенно приводит к получению должности и звания профессора (учебно-методический аспект институции докторства), членства в академиях (за счет постепенного распространения информации об изменении статуса актора и действия механизма его признания агентами одного с ним социального типа), статуса директора НИИ, заведующего кафедрой или научной лабораторией, декана, прорек-

тора (соответствующие квалификации агента институции докторства административные функции). Статус настоящего студента можно получить только после обретения специфического опыта, связанного с подготовкой курсовых работ, сдачей сессий и пересдачей экзаменов, обучением у различных преподавателей, членством в спортивных обществах и клубах, посещением изблюбленных молодежью данного вуза мест проведения досуга, обретением широкого круга знакомых и друзей на своем и других факультетах и т. д.

В пространстве социальных отношений институции выступают также амортизаторами (буферами) ($\leftrightarrow$, $\updownarrow$), позволяя смягчить столкновение и облегчить пересечение институциональных сфер участников транзакции. Таким действием обладают статусы, вызывающие уважение (например, преподаватель вуза, мать, пенсионер, ветеран, врач, орденосеиц, адвокат, работник милиции и т. д.), жалость (инвалид, нищий), умиление (девушка за рулем, ребенок), презрение (бомж, пьяница), опасение (работник милиции или спецслужб, наркоман; вообще «крутой человек», с которым нужно быть «легче на поворотах», то есть контролировать свое поведение, не допуская неосторожных высказываний или действий, способных вызвать негативную реакцию), а также смешанные чувства (депутат, государственный служащий в современной России).

Амортизирующее действие институций может проявляться опосредованно. В частности, неформальный статус друга руководителя или значительного должностного лица в руководстве ГАИ города или региона позволяет быстро и безболезненно «на месте» разрешить мелкие конфликты с ее представителями. «Врастание» актора в систему своих статусов означает его «обрастание» широкой «паутиной» социальных связей, возникающих на институциональной основе знакомства, дружества, товарищества, партнерства, землячества, родства и др. Согласимся с мнением Т. Шибутани: «Статус, как бы он ни был низок, важен, ибо без него человек не имеет прав в отношении других. Обладание статусом позволяет человеку ожидать и требовать определенного отношения со стороны других людей» (Шибутани, 1969, с. 180).

Во временном аспекте институции выступают:

- ускорителями (катализаторами) (+↑↓) развития социального поля человека. В позитивном аспекте (то есть способствующие прогрессивному развитию) таковыми выступают институции образования, повышения квалификации, лидерства, продуктивного новаторства и т. д. В армии распространено назначение перспективных людей на должности, превышающие их звания на один-два ранга: например, майора могут поставить командиром полка, что соответствует званию полковника, а старшего лейтенанта назначить на майорскую должность начальника штаба дивизиона. В результате у получившего назначение актора открываются перспективы повышения статуса в данной должности по выслуге лет. Однако сфера реализации катализирующего свойства институций может быть гораздо более узкой: легко стать графом, будучи любовником императрицы... Закрепление за субъектом определенной функции также может стать фактором «разгона» негативной динамики его институционального развития. Вот лишь некоторые иллюстрации этого тезиса: статус вора ведет к увольнению и соответствующей записи в трудовой книжке, что перечеркивает или проштует (если предположить возможность подделки этого документа), или дальнейшую карьеру; проваливший первую вербовку разведчик обречен быстро катиться вниз по служебной лестнице и надеяться только на чудо; широкое распространение принципа «победитель получает все» в реальной жизни и модели play-off («олимпийской системы») в спортивных играх и т. д.;
- тормозами (ингибиторами) (-↑↓). Такие институции, как родство, свойство, наследство, выгодное супружество и другие зачастую дают мощный импульс продвижению в социальной иерархии, но могут оказывать и противоположное воздействие. Пример великого русского ученого М.В. Ломоносова убедительно показывает, насколько труднее «пробиться» к желанным благам, в том числе статусам, представителю «низов» общества, насколько выше для него уровень трансакционных издержек любой значимой деятельности. Несовпадение институций вероиспове-

дания также может вызвать эффект институционального торможения: в своем «Хождении за три моря» тверской купец А. Никитин писал о трудностях, встречающих православных торговцев в мусульманских странах, рекомендуя своим «коллегам по цеху» менять религию для снижения издержек трансакций обмена.

- стабилизаторами ($+\uparrow\downarrow$). Как и любое социальное явление, обретение статуса агента таких институций чревато тремя потенциально возможными видами эффектов – позитивным, негативным или нейтральным с возможностью корректировки их соотношения в перспективе. Получение среднеоплачиваемой работы в пенсионном возрасте расценивается как положительный факт, стабилизирующий человека на определенном уровне дохода выше среднего для представителей его статуса. Подобная стабильность, лишаящая всяких перспектив, в молодом возрасте воспринимается крайне болезненно, поскольку такой актер автоматически исключается из институциональной динамики, так как уже не является ее переменной, но представляет для статистики как бы социальную константу. Как пример негативного результата стабилизации в институциональной иерархии отметим феномен «застревания в должности» или статусе, что отражает объективное наличие тупиковых траекторий институционального развития акторов. Любая стабильность должна оцениваться на основе сравнения имеющегося потенциала и достигнутого результата, исходя из чего и рекомендуется конструировать дальнейшую стратегию. Проблема лишь в том, что расчет человеческого потенциала является в высокой степени приблизительным, так как не учитывает в должной мере скрытые возможности актора и энергию, с которой он будет приращивать свои умения и навыки.

Проявляя свою социальную природу в указанных выше аспектах, институции интенсифицируют, замедляют и адаптивно корректируют темпы и ритмику накопления, инвестирования и распределения субъектами их дохода, капитала, богатства. Поэтому аналитическое «раздвоение личности» человека на *homo economicus* и *homo institutus* является условным, ведь любые доходы и расходы субъекта имеют институциональную природу,

поскольку основаны на воспроизводстве ряда закрепленных за ним функций в общественной системе (гражданина, предпринимателя, врача, почтальона, студента, докера, брокера, дилера, киллера, инженера, парикмахера, дворника, опекуна, сына, внука и т. д.). Поэтому основными вариантами экономической тактики акторов являются: а) инвестиции в расширение масштаба и развитие структуры институциональной сферы, связанные с ограничением текущего потребления; б) максимизация дохода в рамках достигнутых границ институциональной сферы при блокировании мотивов ее развития.

Институциональная сфера определяет и то множество социально-функциональных аттракторов, в которые попадает отдельный человек в процессе хозяйствования и которые формируют его «социальный горизонт», то есть совокупность стратегических ориентиров институционального развития. Например, обручение корректирует модель экономического поведения молодых людей и членов их семей в сторону накопления ресурсов для организации свадьбы и формирования исходной материальной базы совместной жизни, которая, на базе институции семейства, с высокой степенью вероятности в среднесрочных временных рамках добавит супругам статус родителей и т. д. Именно так возникают связки институций, поскольку присвоение определенного статуса ведет к появлению новой целевой функции, корректируя соответствующим образом эволюционную траекторию акторов в пространстве внешних и внутренних аттракторов.

Так, получение аттестата (диплома) с отличием четко очерчивает пространство дальнейшего институционального развития, определяя его горизонты в связи с возможностью выбора более перспективного места дальнейшей учебы (работы). Гораздо более общую институциональную перспективу очерчивает бытовавшая в советское время поговорка: «Детки кончат восьмилетку и поступят детки в вуз». Этим лишним раз подтверждается тот факт, что пространство институциональных процессов, как и их время, необратимо, вероятно и ожидаемо в образе будущего, которое, в представлении современной синергетики, «конструктивно и активно» (Князева, Курдюмов, 2002, с. 134).

Став агентом определенной институции, актер как бы попадает в ее «силовое поле», поэтому смена статусов сопряжена с

издержками выхода из зоны действия одного социально-функционального аттрактора и переходом в поле другого, затраты на удержание в контурах которого относительно ниже. Повышение имущественного статуса, например, связано со значительными затратами всех производственных факторов, времени и энергии, однако «чтобы стать богатым, голова немножко нужна. А чтобы им оставаться – уже нет. Это как спутник – ему тоже бензина не надо. Знай себе крутись» (Мураками, 2003, с. 13). Иначе говоря, издержки нахождения в зоне действия институционального аттрактора относительно ниже издержек вхождения в нее.

Но реальная траектория («канал») институционального развития актора формируется не только из будущего, но и из прошлого посредством социально-функциональных детракторов, то есть тех институций и статусно значимых событий, в которые человек попадал на протяжении своей жизни (например, «тюремное прошлое», выбор специальности при поступлении в вуз, служба в армии, опыт частного предпринимательства, тяжелая болезнь, крупный выигрыш в казино и т. д.). Актуально они детерминируют выбор актором направлений совершенствования своей институциональной сферы, задавая его императивы и ориентиры, устанавливая приоритеты. Современные исследователи уделяют повышенное внимание изучению хозяйственных процессов в аспекте известного принципа *path dependence*, предполагающего глубокую и сильную зависимость от институционального выбора, осуществленного в прошлом. Намного реже используются принципы *path determinacy* (слабый характер зависимости) и *path independence* (ее полное отсутствие), сфера действия и проявления которых более ограничена.

3. ИНТЕРЬЕР И ЭКСТЕРЬЕР НОМО *INSTITUTIVUS*

Механизмами обогащения или обеднения институциональной сферы человека выступают интериоризация и экстериоризация. В экономическом смысле первая из них представляет собой процесс присвоения трансакционных факторов, продуктов и эффектов с последующим закреплением их в статусе эндогенных элементов социального поля хозяйственного субъекта, позволяющего ему осуществить выгодные сделки. Так, оказавшись

в принципиально новой социальной среде, индивид вынужден либо интериоризировать характерные для нее нормы и принципы поведения, либо закрепиться в положении изгоя. Результатом интериоризации становится институциональный интерьер – реальная структура генетически связанных функций актора в обществе и соответствующих статусов.

Экстериоризация суть процесс отчуждения маркированных индивидуальностью и социальной принадлежностью актора транзакционных факторов, продуктов и эффектов во внешнюю среду, на основе чего осуществляется оценка и капитализация его институционального потенциала другими хозяйственными субъектами. Если включение актора в клан представляет собой как бы наложение институциональной сферы покровителя на его сферу, то предоставление «крыши» суть экстериоризация статуса лидера и сопряженного с ним авторитета, реализующего буферный эффект ($\leftrightarrow$, $\updownarrow$). Институциональный экстерьер предстает как сконструированная субъектом система атрибутивного, символического и поведенческого выражения содержания своей институциональной сферы, ориентированная вовне и формирующая представления и предположения о ней других акторов и их коллективов.

Указанные процессы могут быть как индивидуальными, так и коллективными (фракционными, коалиционными, союзническими, групповыми, компанейскими, клановыми, классовыми, династическими и т. д.). В последнем случае действия членов объединения должны быть слаженными (в пределе – синхронными) и планомерными, иначе возможен срыв процесса по вине одного или нескольких акторов. В условно формализованном виде соотношение результатов интерио- и экстериоризации выглядит следующим образом:

- Институциональный интерьер = реальные статусы + элементы желаемых (целевых) статусов.
- Институциональный экстерьер = (номинальные + фиктивные статусы) → (желаемые + эталонные статусы).

Формируемый экстерьер ориентируется и «подгоняется» под номинальные, желаемые или эталонные статусы, что сопровождается возникновением риска потери индивидуальности и «размывания» институциональной идентичности акторов, как это

происходит, в частности, у фанатичных поклонников популярных киноактеров, рок-певцов или артистов эстрады. Созданный экстерьер рефлексируется, подчас болезненно для индивида, например, когда он не обладает достаточными ресурсами для создания желаемого образа. Вместе с тем экстерьеризация как процесс не «угасает» в продукте (экстерьере), но непрерывно трансформирует его в ходе движения актора по социальному пространству и взаимодействия с агентами различных институций. В поведении это выражается изменением характерного образа действий, сменой позы, взгляда, интонации, тембра и тона голоса, мимики, жестов, корректировкой «речевого паспорта» и т. д. Распространенным примером является ситуация, описанная Б.А. Рошиным в повести «Не без добрых людей»: «При виде директора сторожа Петруничеву будто подбросил кто, она сорвалась с лавки и принялась молча отбивать вслед Ивану Александровичу поклон за поклоном» (Рошин, 1981, с. 16). Резкая перемена характерной для сторожа манеры поведения обусловлена неожиданным появлением директора и связана с демонстрацией ему своей лояльности, доходящей до угодливости. Стремясь к максимизации индивидуальной полезности, подчиненные стараются скорректировать свое поведение в зависимости от настроения начальника, предугадав его, поэтому для них становятся важны любые, даже самые мелкие детали: «Само собой понятно, что по директорскому кашлю определялось и настроение Ивана Александровича — фактор в делах заготконторских немаловажный» (там же). В этом проявляется так называемая «невербальная манифестация социального неравенства» (см.: Карасик, 2002, с. 7).

В ситуации «noblesse oblige» («положение обязывает») вектором формирования институционального экстерьера является достижение соответствия с набором внешних характеристик эталонного статуса. Так, распространенный в первой половине 1990-х гг. статус «нового русского» предполагал соответствующий экстерьер, вплоть до обязательного ношения пиджака малинового цвета. Вольноотпущенники в Риме эпохи правления императора Августа восторженно восприняли введенный им обычай ношения широкой тоги как особого статусного символа принадлежности к институции римского гражданства (*civis romanus*), транслируя тем

самым свою социальную значимость и указывая на положенные привилегии. Экстерьер в приведенных примерах раскрывается как предоставляемая субъектом информация о его институциональном содержании, которая в современных условиях основана на умелом подборе брендов и марок, атрибутов и артефактов. Вот как об этом пишет Д. Рашкофф: «В Соединенных Штатах начала XX в. обладание артефактами иных культур означало, что человек путешествовал в регионы естественного бытования этих культур, а следовательно располагает средствами для таких путешествий. Статус, обеспечиваемый такими артефактами, фигурировал в культуре даже после удешевления путешествий» (Рашкофф, 2004, с. 46). Но институциональный интерьер так или иначе «просвечивается» в экстерьере: так, представители сект, тайных обществ, нетрадиционной сексуальной ориентации, бывшие военные и другие узнают друг друга по особым жестам, походке, неприметным для остальных людей опознавательным знакам в одежде и аксессуарах. Все тайное в обществе рано или поздно становится явным, ведь социальные статусы актора латентно или эксплицитно определяют его поведение. Поэтому сокрытие своего реального институционального содержания сопряжено для актора со значительными издержками и не всегда бывает успешным (ведь даже опытные разведчики «проваливаются»...).

Интериоризация и экстериоризация – это процессы с доминирующей институциональной составляющей, одновременно проявляющиеся в формах трансмиссии и трансляции. Первая представляет собой передачу момента социального движения другому актору (причем передающий субъект его теряет), переход целевого действия, а также сопутствующих функций, статусов и атрибутов. Примерами институциональной трансмиссии являются передача прав собственности, статуса, должности, престола, делегирование полномочий и т. д. Известное юридическое понятие «наследственная трансмиссия», то есть переход права на принятие наследства в случае смерти законного наследника, является одной из форм ее проявления (см.: Гражданский кодекс РФ, ст. 1156).

В ходе институциональной трансляции осуществляется оповещение внешней среды об изменениях формы и содержания социально-функциональной сферы актора с использованием различных сигналов и «шумовых» эффектов. Торжественные собы-

тия, связанные с обретением субъектом нового статуса, проводятся «с размахом», «на широкую ногу», с приглашением близких и значимых для него людей, сопровождаясь транзакциями дарения, свидетельствующими об интериоризации дарителями информации о новом статусе актора. Формами институциональной трансляции могут быть ношение корпоративной формы одежды и разного рода атрибутов, символически отражающих статус субъекта, смена марки автомобиля, переезд в более (или, наоборот, менее) престижный район, стиль и культура потребления и т. д. Вспомним поставленную Т. Вебленом проблему «демонстративного потребления» (см.: Веблен, 1984, с. 108–133), состоящую в интериоризации норм экономического поведения «праздничного класса» представителями низших слоев общества с их последующим воспроизведением и трансляцией на слабой материальной основе. Осуществляя любые хозяйственные транзакции, люди непрерывно транслируют информацию о своем статусе, «очерчивая» тем самым в сознании других субъектов «контуры» своей институциональной сферы.

Динамическая гармонизация параметров своих институциональных сфер осуществляется акторами по следующим ключевым направлениям:

- достижение целевых институций и адаптация к статусу их агента;
- подбор комплементарных институций и формирование их связок («пакетов»), генерирующих синергический эффект;
- создание и культивация имиджа как искусственно моделируемой позитивной формы сведений о субъекте по отношению к его реальному информационному содержанию;
- конструирование фиктивных институций и «виртуальных» статусов, то есть «достройка» желаемых, но актуально недостижимых элементов институциональной сферы;
- маскировка нежелательных статусов.

Под фиктивной будем понимать мнимую, выдаваемую за действительную институцию. Данный феномен неразрывно связан с конструированием реально необоснованных («виртуальных») статусов, приписыванием себе субъектами не существующих или не имеющих к ним отношения атрибутов (чина, звания, должности, связей и т. д.). Пример фиктивного исполнения институ-

ции ревизорства описан Н.В. Гоголем в повести «Ревизор». Они также используются для «прикрытия» определенных видов деятельности, порождающих статусные несоответствия и противоречия в институциональной сфере определенного социального типа субъектов: в частности, спортсмены высокого класса и люди творческих профессий в СССР номинально числились рабочими, преподавателями, студентами, инструкторами, занимали мелкие государственные должности и т. д. Сюжеты, связанные с экстерииоризацией монархами фиктивного статуса простолюдина распространены в восточных сказках (например, «Калиф-аист»).

Маскировка отдельных статусов субъекта обычно осуществляется в ходе более общего процесса институциональной мимикрии акторов, когда происходит целенаправленно-адаптивное подражательное уподобление параметров и элементов их социально-функциональных сфер условиям внешней среды. Как известно, «процессы мимикрии приводят к однородности поля» (Флигстин, 2002, с. 139) потенциальных трансакций, снижая для партнеров по сделке уровень издержек согласования институциональных несоответствий. Институциональная мимикрия может выражаться не только в выдаче желаемого (целевого) статуса за действительный, но и в создании актором видимости исполнения закрепленной за ним функции, в результате чего инициируется оппортунизм в рамках соответствующих институтов. Почти каждый человек живет «двойной», «тройной» жизнью, реализуя свои способности и пристрастия в различных, несовместимых друг с другом институциональных ипостасях, что усиливает потенциал социальной неадекватности как следствия диспропорции реальных и виртуальных, желаемых и доступных компонентов институциональной сферы актора.

В реальности субъекты часто предпочитают скрывать наличие определенных статусов (институциональная «маскировка»), чтобы избежать возникновения институционально неадекватных трансакций, когда отдельные статусы партнеров являются несовместимыми или диспропорциональными. Эта проблема особенно актуальна в связи с формированием комплексных институций, включенных в сложные системы институтов с «глубокой» внутренней иерархией статусов, множеством пересекающихся и антагонистических правил и норм, алгоритмов испол-

нения функций и последствий их нарушения. Несоблюдение комплексных институций, характеризующихся высокой сложностью взаимосвязей, может приводить к внешне неожиданному исходу: скажем, в таких связках институций, как «сектанство – партнерство», «пасторство – мужеложство», «меньшинство – сотрудничество» и т. п., результатом несовпадения агентства в мало значимых внешне, как бы периферийных институциях может стать разрыв деловых, коллегиальных и других связей и отношений. А в социальном меньшинстве может оказаться любой человек: не зря столько сюжетов фильмов и книг посвящено проблемам отчуждения, например, ВИЧ-инфицированных, от которых, узнав об их заболевании, моментально отказываются коллеги и друзья, несмотря на максимальные меры предосторожности и надлежащую гигиену.

Экстериоризация актором фиктивных статусов может осуществляться в оперативном, тактическом и стратегическом аспектах. В первом случае вариантом ее проявления может быть такой феномен, как «понты», то есть институционально необоснованные притязания⁴, реализующиеся в многочисленных поведенческих формах, таких как: уловка; создание видимости; напускной вид; гонор; важный вид; важничанье; рисовка; выдача себя за другого; вызывающее, самоуверенное, дерзкое поведение; хитрость; притворство; «выкручивание»; обман; откровенный обман (см.: Мокиенко, Никитина, 2001, с. 459)⁵. Но «пнотоваться» до бесконечности нельзя, это лишь ситуационная демонстрация статусного равенства или превосходства в ходе конкретной трансакции. В тактическом аспекте более устойчивой формой реализации институциональной неадекватности является конструирование имиджа как внешней формы экстериоризации в поведении. Однако то, как именно человек пытается выглядеть в глазах других людей, еще не означает, что именно так он и выглядит, а тем более, что его социальное и личностное содержание соответствует внешнему виду. Поэтому «ширмы из улыбок», старательно «растягиваемые» продавцами в современных бутиках и супермаркетах, не убеждают покупателей в искренности их симпатий к ним. Хотя, безусловно, «чем лучше и привлекательнее имитации, тем проще принять карту за территорию» (Рашкофф, 2004, с. 284).

Кроме того, институциональная неадекватность в поведении может быть ориентирована как на понижение («прибеднение», самоуничтожение и др.), так и на повышение реального статуса в направлении желаемого эталона. Практика показывает, что успешной тактикой «подсигивания» руководителя является маскировка и принижение подчиненным своих способностей, чередующаяся с точечным предложением эффективных решений и непрерывной демонстрацией своей лояльности. Многочисленные боевики и детективные романы убеждают, что наиболее рациональное поведение индивида при попадании в поле острого конфликта с применением оружия состоит в том, чтобы сделать заявление о своем низком статусе («Я просто шел мимо!», «Не стреляйте, я случайный прохожий!» и т. д.) и быстро ретироваться с места события.

Достижение институциональной адекватности заключается в приведении в соответствие номинального, желаемого и реального статусов, «разрыв» между которыми может изменяться в масштабе от 0 до ∞ , что допустимо проиллюстрировать образом реостата. Тогда его «бегунок» можно рассматривать как реальный статус, непрерывно смещающийся между номинальным и целевым «полюсами». Движение актора к тернарному равновесию в этой модели реально сопровождается душераздирающей рефлексией, бесконечным сравнением качества своих и чужих институций, мучительными переживаниями и угнетающими сомнениями, колоссальными перегрузками и резкими торможениями, неожиданными сбоями и трудными корректировками параметров сферы за счет других факторов. Подчас наиболее эффективным механизмом адаптации является сброс статусного несоответствия и, хотя бы временное, установление равновесия. Массовое перенакопление напряжения в институциональных сферах, характерное для экономик с динамикой переходного и модернизационного типа, ведет к тому, что акторы постоянно обуреваемы мыслью «бросить все и уехать в Урюпинск», что отнюдь не способствует росту эффективности их деятельности. Результатом современных российских реформ должен стать распространенный в качестве массового явления «человек, удовлетворенный своим положением в обществе, однако готовый творчески продвинуться в своем статусе» (Шекли, 2004, с. 103).

И последнее. Характеризуя человека в ракурсе его институций, велик соблазн впасть в их реификацию, под которой П. Бергер и Т. Лукман понимают «восприятие человеческих феноменов в качестве ролей, то есть в нечеловеческих и, возможно, в сверхчеловеческих терминах... Главный рецепт реификации институтов – наделение их онтологическим статусом, независимым от человеческой деятельности» (Бергер, Лукман, 1995, с. 146, 148). Поэтому реалистичное описание человека, существа страждущего и страдающего, с использованием концепта институциональной сферы должно предполагать, что она, помимо институций, статусов и описанных выше многочисленных атрибутов, наполнена также «желаниями, симпатиями, волей, убеждениями, которые тут выступают как нечто неподвластное пониманию и описанию: чужеродные силы, обитающие в нас, наступают, стараясь завоевать права на жительство; устремляются к поиску чего-то более высокого, чем мы сами, и используют нас как средство, проявляя смутную необходимость уйти от состояния Homo sapiens... к какому Номо? Ибо sapiens – это еще одно старое, старое слово, из тех, что надо сперва отмыть как следует, а уж потом пытаться использовать со смыслом» (Кортасар, 2004, с. 391).

Литература

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: МЕДИУМ, 1995.
- Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
- Выгодский М.Я. Справочник по высшей математике. М., 1972.
- Гражданский кодекс РФ (любое издание).
- Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 6-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2000.
- Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // СОЦИС. 2003. № 9.
- Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
- Кастанеда К. Второе кольцо силы. Дар орла. Огонь изнутри. Сила безмолвия. Т. 2. К.: «София»; М.: «Гелиос», 2002.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомыры. СПб.: Алетейя, 2002.

Кортасар Х. Модель для игры. М.: Изд-во «ЭКСМО», СПб.: Изд-во «Домино», 2004.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: «Норинт», 2001.

Мураками Х. Слушай песню ветра. Пинбол 1973. М.: Изд-во «ЭКСМО», 2003.

Рашкофф Д. Стратегия исхода. М.: Изд-во «ЭКСМО», 2004.

Рошин Б.А. Не без добрых людей: Повесть, рассказы. М.: Современник, 1981.

Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.

Шекли Р. Цивилизация статуса. М.: Изд-во «ЭКСМО», 2004.

Шибутани Т. Социальная психология. М.: Прогресс, 1969.

---

¹ В гносеологическом ракурсе эти довольно образные понятия были использованы И. Лакатошем.

² Термин В.П. Кузьмина (Кузьмин, 1986).

³ Формула комплексного статуса аналогична формуле комплексного числа, где bi – мнимое число (см.: Выгодский, 1972, с. 244–246). Дальнейшее развитие предлагаемой концепции связано с использованием достижений философии и общей теории чисел.

⁴ Притязание можно понимать как активизированное право на какой-либо объект.

⁵ Там же приводится интересная синонимическая связка «хвастун» = «понтерщик».

Глава 10

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФРАКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ставшее традиционным противопоставление институтов и агентов как отдельных объектов изучения в рамках институциональной теории, приведшее к противопоставлению холистического и индивидуалистического подходов, нуждается в переосмыслении. Очевидно, что в действительности нет изолированных индивидов, не принадлежащих к определенным институтам, как нет и полного единения институциональных агентов в рамках ассоциированных интересов, так как каждый институт глубоко стратифицирован. Последнее не позволяет рассматривать всех участников какого-либо института как разделяющих модель поведения, обусловленную принадлежностью к данной «системе коллективного действия». Это подтверждается выводом Л. Дюмона о том, что «реальность в целом выглядит промежуточной между концепциями автономной индивидуальности и тотально спяянной системой» (Дюмон, 2001, с. 64). Должны существовать (и существуют) посредствующие звенья воспроизводства институционального капитала в обществе, к которым, прежде всего, относятся фракции, образующие фенотипические особенности статуса человека, генотип которого формируется институтами. Это понятие широко используется в политологии, но не выходит за ее методологические «пределы», хотя очевидно, что раз фракции активно действуют в рамках партий, то они в тех или иных формах должны присутствовать и в функционировании других институтов – предприятия, банка, профсоюза, правительства, семьи, армии, тюрьмы, университета и др.

В таком ракурсе «человек институциональный» (*homo institutus*) – это, прежде всего, фракционер. Введение понятия фракции и разработка соответствующего категориального ряда позволяет уйти от противопоставления институтов и агентов, сместить акцент с изучения абстрактно гомогенной социальной среды на познание тенденций дробления и фрагментации мозаичного институционального пространства.

Начнем с того, что гомогенное видение внутреннего пространства экономических институтов не позволяет адекватно раскрыть богатство форм и содержания их «внутреннего мира». Поэтому для специального анализа внутреннего строения институтов целесообразно выделять помимо органов также фракции, коалиции, кланы и династии.

Фракции возникают на «разломах»¹ ассоциированных и индивидуальных интересов, реализуемых в рамках института, представляя собой относительно устойчивые целевые группировки его агентов, объединенных особой институциональной ориентацией, то есть совокупностью интересов, отличных от интересов других агентов данного института. Фракции опираются на агентов мелких институций, «дробящих» монолитную «картину» внутреннего пространства института, в структурно-функциональных рамках которого обеспечивается простое воспроизводство комплекса организуемых им функций и расширенное – рутин, навыков, умений, компетенций.

Динамика межфракционной миграции агентов канализирует направление дальнейшего развития институциональных организаций. Несмотря на взаимное «отталкивание» фракций как одинаково заряженных частиц в социальном поле, формирующее раздробленное и фрагментированное состояние институтов, между фракциями складываются не только отношения вражды, но также «сочувственные» и нейтральные отношения. Фракции нередко идут на взаимовыгодный компромисс или образуют коалиции, которые, в отличие от них, направлены на достижение конкретных целей, а не на реализацию коллективных интересов. Поэтому жизненный цикл коалиций относительно короче, чем у фракций, которые гораздо устойчивее во времени.

Сложность института – векторная характеристика, которую можно разделить на более простые. Модельно представив институт как граф (см. подробнее в главе 12 настоящего издания), можно привести ряд характеристик его сложности, которые можно дополнять, конкретизировать и дополнительно формализовать применительно к специальным исследованиям фракций в экономике и обществе. Звено графа как связка вершины и элементов может быть интерпретировано как модель

фракции агентов (на нижнем уровне строения института) или коалиции фракций – на более высоких уровнях иерархии.

Показатель глубины фракционирования предполагает выявление количества уровней графа. Важно учесть, какой признак системной целостности характерен для элементов данного института – аддитивность, когда компоненты не компенсируют друг друга, а совокупный продукт института представлен суммой их частичных вкладов, или мультипликативность, когда происходит взаимное усиление производительности и эффективности функциональных элементов, произведение результатов деятельности которых дает общий продукт института.

Глубина института может быть измерена как по средней длине графа (с использованием инструментов анализа математического ожидания и дисперсии), так и по максимальной, опять же в зависимости от специфики конкретного исследования. В первом случае оно будет ориентировано на выявление «сглаженных» обобщенных характеристик института, а во втором – на идентификацию его патологий и аномалий.

Расчет средней ширины звена дает представление о примерном масштабе фракций данного института, а выявление общего количества звеньев характеризует его сложность в целом. Знание количества низовых элементов (листьев) в графе, то есть численности агентов института, позволяет перейти к более сложным показателям фракционности. Так, соотношение общего числа звеньев и количества низовых элементов отражает обобщенную характеристику числа фракций, приходящихся в среднем на одного агента, поскольку агентство в разных фракциях «пересекается», то есть в интегральном статусе каждого человека как бы совмещаются многие фракции.

Предложить универсальный коэффициент фракционности отдельных институтов и их систем не представляется возможным, поскольку для каждого конкретного исследования в зависимости от его задач потребуются коррекция индикаторов оценки состояния фракций, их пропорций и тенденций динамики. В любом случае, для моделирования отношений фракционизма целесообразно использовать достижения теории графов.

Следует учитывать иерархию фракций в институте, ранг которых сочетает элементы тождества (равенства) и различия

статусов их агентов. Внутри фракции также складывается и устойчиво воспроизводится определенная иерархия агентов. Масштаб критериев выделения фракций достаточно широк. Например, агенты институции директорства образуют фракции по возрасту («красные директора», молодые), стажу («матерые», опытные, начинающие), а также по объему государственного финансирования, масштабу и сфере деятельности, степени информационной открытости, прибыльности и т. д. Министры РФ также фракционированы на «силовиков», «экономистов» и представителей «социальной сферы», между интересами которых перманентно возникают противоречия и компромиссы.

В аспекте фракционной динамики любые «системы коллективного действия» предстают в качестве облаков или пыльных бурь, поскольку в социальном смысле они суть временные агрегации агентов различных фракций. Структура последних может сохраняться на протяжении длительного периода, однако, в целом, внутреннее пространство институтов непрерывно реконструируется в достаточно жестких структурных границах.

Изучение фракционной кинетики предполагает анализ процессов распада, интеграции, а также взаимной адаптации фракций. Раскол в рамках фракции может произойти, если «одна прогрессивная часть группы сочла бы, что сможет выиграть в статусе, если отколетя от другой (части. — Авт.) группы, остающейся консервативной» (Джонс, 2001, с. 222). Фракция может стать доминирующей либо занять определенную специализированную позицию (нишу) в пространстве института, соотносясь с фракциями-лидерами и создав систему функциональных связей с ними.

На устойчивость фракций и параметры динамики фракциогенеза влияют следующие факторы:

- Темп и ритм замены контингента институциональной организации. Чем быстрее сменяется состав агентов института, тем выше издержки образования фракций. Не случайно в 1930-х гг., когда риск оппортунизма и фракционирования ВКП(б) достиг предельно допустимых значений, проводилась политика массовых «чисток» на всех советских предприятиях и во всех учреждениях, направленная на усиление текучести потенциально опасных кадров (особенно в сфере

управления). Тем самым в корне пресекались малейшие возможности организации фракций в «недрах» бюрократического аппарата. Поэтому ссылки на непродуманность кадровой политики И.В. Сталина для данного исторического примера выглядят малообоснованными с институциональных позиций.

- Большой «объем» неформальных связей и отношений, характерный для крупных организаций, в которых издержки непрерывного контроля за действиями агентов являются запретительными для принципалов. Целесообразно исчисление показателя «массы» формализованного компонента социального поля института, представляющего собой произведение количества фиксированных формальных функциональных связей и числа агентов данного института.
- Характеристики пространства института, в том числе показатели уровня полярности и комплементарности типизируемых и воспроизводимых в его рамках институций, наличия субститутот и сервитутот и т. д.

Примеры фракционности легче обнаружить в крупных институциональных организациях. Так, в больших семьях дети обычно образуют свою фракцию, объединенную интересами отстаивания собственной индивидуальности и независимости от родительской опеки, сокрытия допущенных нарушений установленного в семье «режима» и порядка жизни. Конечно, в любой фракции рано или поздно появляются оппортунисты – «предатели», «ябедники» и др., в чем проявляется всеобщий и закономерный характер оппортунизма, представляющего собой перманентно реализующийся в рамках института кризис, индикативно характеризующий его устойчивость и адаптивность.

Клан представляет собой персонализированную форму фракции. Он обязательно связан с именем конкретного человека или семьи, рода и представляет собой определенную группу, «все члены которой убеждены, что все они восходят к одному начальнику, и сами эти люди идентифицируют себя подобным образом, и посторонние считают их особым сообществом, отличающимся от остальных идентитетом» (Асп, 2000, с. 236). Клань возникает в рамках достаточно крупных институтов; они фор-

мируются как «внутри» фракций, так и объединяют агентов, принадлежащих к различным фракциям.

Клановость института формируется в условиях наличия у отдельных агентов мощных ресурсов – специфических знаний, связей (в том числе личных), статуса и т. д., что позволяет им непосредственно влиять на осуществляемые в данной организации процессы, особенно редиистрибутивного характера, связанные с распределением институциональных доходов и привилегий. Вхождение в «команду» (а точнее, в клан) такого человека означает для агента переориентацию своей модели поведения на конкретные указания лидера, игнорирование конкурирующих кланов и фракций, зачастую в форме осуществления действий, противоречащих интересам института в целом. В рамках клана воспроизводится модель поведения агентов – приверженцев принципа, под покровительством которого у них появляются возможности назначения на важные посты, получения значимых статусов и, соответственно, высоких доходов, использования индивидуального капитала руководителя (например, его репутации, имени как индивидуальной «торговой марки» и т. д.) в собственных целях и т. д.

Например, в армии понятие команды было распространено и в советское время, когда шедшие на повышение начальники «забирали» с собой перспективных подчиненных, создавая для них на новом месте благоприятные институциональные условия. Вот как описывает такую ситуацию персонаж повести В. Суворова «Аквариум»: «...вызвали и приказали принять разведку целой Армии. Я сейчас не только принимаю дела, но и формирую свою команду. Кое-кого я за собой перетащил со своей прежней работы. <...> Но у меня теперь хозяйство во много раз больше, и мне нужно очень много толковых исполнительных ребят, на которых можно положиться» (Суворов, 1993, с. 27). Местные руководители в СССР при назначении на работу в центральные структуры (министерства, главные управления и т. д.) также забирали с собой в Москву целые команды, перекладывая на них связанные с новой должностью транзакционные издержки и способствуя их карьерному продвижению.

Под династиями будем понимать фракции, базирующиеся на синтезе институций преемства и родства. Преимуществами та-

ких форм реинтеграции, то есть объединения и позиционирования агентов в сложившихся рамках института, является накопление и трансляция между их членами специфических форм организационного (связи, включенность в узкие круги), институционального (наследство, имущество, родство, почет, уважение, репутация, «кредит доверия» и др.) и информационного капитала, связанных непосредственно с тем предприятием (учреждением), в котором династия развивается. Глубокое знание «своего» института, овладение его рутинными, понимание специфики происходящих в нем процессов создают потенциал эффективно прогнозировать на основе накопленного опыта потенциально возможных акций и реакций со стороны других агентов. Это дает возможность агентам династии значительно повысить степень рациональности своих действий, извлечь из них максимальную полезность. Эффективность такой формы фракционной организации характеризуется усилением влияния в современной России финансовых олигархических династий, в которых вновь актуализировались институты кумовства, местничества и др. Династии формируются и в шоу-бизнесе – среди артистов, режиссеров и т. д., а традиционные в СССР трудовые династии становятся редким явлением.

Неоднородность институциональных структур особенно ярко проявляется в политической сфере, где действуют различные формы функциональной организации партий – *комитеты* («партии внутри партий»), *секции*, *ячейки* и *клубы*. Все они обладают определенной спецификой и доминируют на разных этапах эволюции партий как базового политического института. Так, ячейки представляют собой организационные элементы политических партий, внедряющиеся в институты экономические (предприятия) с целью создания «всепроникающей системы партиячек». Если «[в] отличие от келейного комитета секция максимально открыта», то «за членство в партийном, как и в любом другом, клубе люди сами готовы платить. И платят – в форме взносов и пожертвований, которые обеспечивают клубу достаточно автономное существование...» (Радкевич, Тихомиров, 2004, с. 83, 85). На основе этих структур возникают и развиваются разнообразные фракции.

Институциональные формы организации базовых партийных объединений (БПО) дифференцированы по признакам срочности и характера организации: «Партийный клуб – предельно гибкая форма объединения... Как и секция, он работает практически постоянно: люди собираются «по интересам», обсуждают насущные вопросы жизни квартала, организуются для решения общих проблем» (Радкевич, Тихомиров, 2004, с. 84). Напротив, функционирование партийных комитетов предельно урегулировано. Система политических партий фашистского толка в Италии периода правления Б. Муссолини включала *фашии* (военизированные отряды) и *команды*, агентами которых были бойцы. К перечисленным структурным формам, отражающим стратифицированный характер институтов, добавим *отделения, отделы и секторы*, характерные для научных академий, институтов и лабораторий, библиотек и бюро, а также для мультипродуктовых и дивизионально-структурированных компаний.

Внутренняя неоднородность институтов на всех уровнях общественного бытия формирует фракционность в масштабе всего общества. Механизм фракциогенеза можно представить следующим образом. Исходная социальная «масса» в процессе хозяйствования дифференцируется в союзы для осуществления совместных действий по различным целям – коалиции. В ходе своего воспроизводства коалиционные объединения формируют внутреннюю систему статусов и ролей своих участников. Неоднократная реализация воспроизводственного цикла коалиций, становление и осуществление системы однородных институций в их рамках ведут к формированию на их основе институтов, которые структурно типизируют и устойчиво воспроизводят закрепленные за участниками союза функции.

Но интеграция агентов в рамках института неизбежно «трескается по швам» несовпадения их интересов, что ведет к образованию институциональных фракций, то есть организованных групп агентов института с особыми интересами, отличными от интересов других групп его агентов. Поскольку агенты одной фракции (фракционеры) выравниваются по определенному институциональному критерию, то между ними возникает аттракция. Сами фракции начинают образовывать коалиции, которые

параллельно возникают между отдельными агентами как одной, так и разных фракций.

Фракции сочетают в своей деятельности функции, необходимые для гомеостаза всего института, то есть для обеспечения ассоциированных интересов всех его агентов, и направленные на лоббирование интересов своих агентов. Это становится очевидным при анализе функционирования партийных фракций, которые параллельно осуществляют два взаимосвязанных направления деятельности: «Одно, публичное, сводится к обычной законотворческой работе. Другое, лоббистское, предполагает нередко прямые контакты заказчиков с чиновниками-исполнителями при посредничестве и/или участии депутатов» (Радкевич, 2004, с. 92).

Межфракционные противоречия реализуются в конфликтах, недобросовестной конкуренции институциональных фракций и их агентов, лоббировании ими благоприятных для себя условий деятельности. Эти противоречия можно разделить на следующие группы:

- Противоречия между институциональными атрибутами данной фракции и остальных фракций «ее» института: $Nf_i \leftrightarrow Nf_{(i, k)}$, где Nf_i – совокупность интересов, норм, правил и запросов, поддерживаемых агентами i -й фракции; k – количество фракций в рамках данного института. Пересечения и конфликты фракционных интересов наиболее очевидны в рамках «своего» института, где происходит конкуренция агентов и групп влияния за ограниченные в каждый момент времени ресурсы, факторы, доходы и блага. Фракции отстаивают наиболее удобные для своих агентов график и место работы, маскируют допущенные ошибки, лоббируют дополнительные доходы и премии и т. д. Они стремятся оказать влияние на стратегическое планирование, чтобы иметь возможность планировать свои действия на перспективу.
- Противоречия между институциональными атрибутами данной фракции и института в целом: $Nf_i \leftrightarrow N_{ins}$. Сплоченность фракционеров и особый характер их коллективных интересов нередко порождают фракционный оппортунизм, когда любые действия предпринимаются агентами определенной фракции только в том случае, если они отвечают ее целям.

В структуре института возникают некие «тайные общества», через систему налаженных связей «вербующие» контрагентов для обеспечения своей устойчивости, конкурентоспособности и безопасности. Фракционный оппортунизм является обоснованным, поскольку осуществляется целенаправленно, сознательно, во многом планоно. Но, поскольку повторяющийся случай становится нормой, то тем самым формируется стиль жизни фракционеров, не только идущий вразрез с общей логикой и стратегией института, но и подрывающий его изнутри. Противоречия этого типа выражаются в процессах институционально-фракционной адаптации и аккомодации.

- Противоречия между институциональными атрибутами данной фракции и внешними для «ее» института: $Nf_i \leftrightarrow N_{ext}$. Чаще всего их можно характеризовать как стихийные и точечные (единичный случай). Однако кооперация институциональных организаций, например, выражающаяся в форме сетевого сотрудничества современных предприятий, ведет к возрастанию зависимости друг от друга фракций, относящихся к разным институтам, что неизбежно провоцирует возникновение и разрешение конфликтов и «трений».

Сила противоречий между фракциями одного уровня выше, чем между фракциями разных ступеней иерархии, так как в рамках каждого уровня происходит конкуренция агентов за комплектацию более высокого уровня и их функциональные интересы более схожи. Попытки ликвидации фракционизма, необходимые в целях оптимизации величины издержек внутри- и межинституциональных трансакций, неизбежно окажут тормозящее воздействие на эффективность конкуренции в сложившихся и формирующихся институтах, поскольку «на разделенном рынке агенты пытаются уйти от “лобовой” конкуренции, создавая свои уникальные, недоступные другим ниши» (Попков, Берг, Кузнецов, 2002, с. 74). Вместе с тем, уровень фракционности как характеристики раздробленности агентов института по фракциям должен быть оптимальным для обеспечения его гомеостаза. Для его формализации допустимо ввести специальный коэффициент, который должен отражать количество фракций и их качественные признаки, в том числе опосредованные в агентах – возраст, генера-

цию, масштаб, противоречивость, отраслевую специализацию, доступность, адекватность, квалификацию, локализацию, легитимность, формальность, активность и т. д. При моделировании такого показателя следует исходить из конкретных целей исследования, что позволит сделать институциональный анализ хозяйственных субъектов гораздо более насыщенным.

Принципиальное единство физической и экономической динамики в ракурсе институционального фракциогенеза раскрывается следующим образом. Акции и реакции хозяйственных субъектов можно трактовать как волны, излучаемые ими в транзакционной среде, причем первые являются свободными колебаниями, а вторые имеют вынужденный характер. Длина этих волн, будучи обусловлена параметрами институциональных сфер субъектов, также зависит от плотности внутреннего пространства института, характеризующей количество акторов на единицу пространства с учетом коэффициента их мобильности. Чем ниже плотность внутриэкономического пространства институциональной организации, тем больше должна быть длина транзакционной волны, то есть тем большей институциональной мощью должен обладать актор, чтобы успешно совершить сделку. Накладываясь друг на друга, взаимно интенсифицируясь или затухая, хозяйственные акции и реакции как транзакционные волны формируют колебательную динамику рыночного пространства. В этом обнаруживается проявление свойства экономической интерференции, связанной со способностью волн к усилению или ослаблению при взаимном наложении в зависимости от степени достигнутого соответствия желаемых акторами параметров сделки.

Нуждается в изучении механизм экономической дифракции, то есть процесса «огибания» транзакционными волнами, продуцируемыми хозяйственными субъектами, различных институциональных, организационных, технологических и других препятствий, в том числе порожденных рассогласованием атрибутов успешной сделки между агентами, принадлежащими к разным фракциям, что увеличивает уровень транзакционных издержек в институте, снижая его эффективность. Высокая степень фракционности общества выражается в возникновении экономической рефракции, когда исходные параметры транзакции должны всякий раз «преломляться» и адаптивно корректироваться

в соответствии с фракционной идентичностью контрагентов, что дополнительно повышает затраты на реализацию сделок.

Каждая фракция представляет собой пространство пересечения институциональных сфер своих агентов, в котором аккумулируются и транслируются знания, осуществляется координация действий, поддерживается стабильное воспроизводство фракционной идентичности, отрабатываются специфические социальные технологии, оттачиваются навыки и продуцируются особые рутины, формируются и поддерживаются взаимные ожидания и убеждения, возникают страхи и надежды, продуцируется схожий образ мышления и принятия решений (см.: Commons, 1990, p. 698), преодолевается институциональная неопределенность и социальная отчужденность. Многоаспектность социальной природы человека, выражающаяся в разнообразии его интересов, склонностей и стремлений, обуславливает его попадание в сферы институционального притяжения различных фракций, для которых характерны базовые элементы институциональной организации: доверие, поощрение и оппортунизм, которые подлежат распределению в любом институте (см.: Рэдклифф-Браун, 2001, с. 228).

Причину фракционности институтов можно связать с их тенденциями к консерватизму и догматизму, поиском оптимального размера институциональной организации или чрезмерным количеством и неопределенностью функций, принятых к типизации и воспроизводству в их структурно-функциональных рамках (см., например: Fairchild, 1896, p. 220). Более того, «фактор целостности иерархии, включение в ее орбиту подавляющей части хозяйственных процессов существенно изменяют условия ее деятельности, порождают комплекс принципиально новых проблем» (Гайдар, 1997, с. 50). Агенты как бы провоцируются всем ходом институциональной динамики к поиску более гибких, но, наряду с этим, устойчивых форм самоорганизации (см. также: Плесс, 2000, с. 40–44).

Эволюционную природу фракционности раскрыл в своем гениальном «Капитале» К. Маркс. Он считал, что доходившая до предела дифференциация частичных трудовых функций в рамках капиталистических институтов, особенно мануфактуры, с последующей жесткой специализацией работников обуславлива-

ла «виртуозность частичных рабочих. С другой стороны, совершаемое ею (речь в данном случае идет о мануфактуре. — Авт.) превращение частичного труда в жизненное призвание одного человека соответствует стремлению прежних обществ сделать ремесла наследственными, придать им неподвижные закоряченные формы каст или — в том случае, когда определенные исторические условия создают изменчивость индивидуумов, не совместимую с существованием каст, — формы цехов» (Маркс, 1951, с. 346). Цехи выступают исторической формой фракционирования капиталистических институтов на базе институций воспроизводства и преемства «откристаллизованных исключительных функций» работников-специалистов (Маркс, 1951, с. 343).

Агенты одной фракции выравниваются по принятым в ней институциональным признакам, занимая в результате эквивалентные институциональные позиции. Коррекция статуса фракционеров производится с помощью механизмов институциональной эскалации и конвейера, характеризующих, соответственно, горизонтальные и вертикальные смещения во внутреннем экоспространстве института, осуществляемые при поддержке ресурсов и факторов других членов данной фракции. В связи с неоднородностью трудовых операций К. Маркс в «Капитале» говорил о возникновении «иерархии рабочих сил» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 362) с соответствующей шкалой заработной платы, обусловленной различными затратами на воспроизводство функциональных навыков и умений.

Интегрирующая роль фракции состоит в том, что она «обеспечивает включение новых ситуаций в нормативную систему координат... <...> ...Обеспечивает координацию действий через легитимно упорядоченные межличностные отношения и стабилизирует групповую идентичность в достаточной для повседневной практики мере» (Фурс, 2000, с. 115). Фракции также представляют собой механизм социализации агентов в институте (см. табл.). Однако они не только ретранслируют общеинституциональные нормы и понятия, но и корректируют их, вживляя индивидов в более узкое пространство «своих» правил и рутин, причем не только стимулируя следовать выработанным поведенческим «рецептам», но и побуждая вносить конструктивные изменения в транзакционные алгоритмы (см. также: Dosi, Nelson, Winter, 2001, p. 18).

Характеристики социализации агентов в рамках фракции *

Аспект социализации	Характеристика
Институциональный	Адаптация формального статуса в организации и неформального во фракции; приращение институциональной сферы; усиление функциональной гибкости и поведенческой мобильности и др.
Организационный	Формирование совокупности специфических навыков и рутин; включение в систему функциональных связей и др.
Информационный	Фильтрация и коррекция информации, циркулирующей внутри института в соответствии с принципами данной фракции; быстрое распространение среди «своих» агентов новостей и важной информации с ограниченным доступом и др.

* Источник: сост. авт.

В масштабе общества замыкание множества фракций на своих интересах ведет к их заикливанию и методичному осуществлению рутинного воспроизводства своей институциональной идентичности в стационарных границах.

Современные фракции предстают как закрытые клубы по интересам, вход в которые ограничен, а выход проблематичен. Формируются межфракционные барьеры, институционально отгораживающие агентов этих структур друг от друга по стилю и манерам поведения, принципам маркирования окружающего социального пространства и других субъектов, доминирующим аттракторам, нормам и правилам, режиму жизни и алгоритму бытия. Существенное различие фракций по институциональным ориентирам, императивам и приоритетам задает всем акторам стратегический вектор, связанный с идентификацией себя в качестве агента наиболее подходящей фракции.

Конечно, каждый человек состоит не в одной, а в ряде институциональных фракций, реализуя тем самым универсальность своей социальной природы. Причем эти фракции могут значительно различаться по своим параметрам – целям, масштабу, срокам и механизму функционирования и т. д. Так, фракции любителей кофе и зеленого чая встречаются в отделах или офисах любого учреждения (департамента, института, фирмы и др.). Практически в любой организации то обостряются, то затухают

противоречия фракций курильщиков и некурящих, а фракция болельщиков начинает рабочий день с обсуждения новостей спорта или любимой команды. В каждой корпорации топ-менеджмент образует свою особую фракцию, а рядовые сотрудники (staff) и технический персонал замыкаются в своих. После работы одни идут домой (к семье), другие – в бар, третьи – в спортзал, четвертые – в Internet-кафе и так до бесконечности. Мир современного человека фракционирован не только «по вертикали» (в порядке субординации) и «горизонтально» (на одном уровне), но и «поперек», и «вглубь», отражая наложение агентских сфер различных фракций и пересечение в одном агенте специфических черт различных фракций, в которые он включен.

Метафорическим выражением фракционности современного общества являются знаменитые полотна С. Дали, воплотившие эксперименты художника с аллегорическим образом выдвигаемых ящиков². Но если пророк сюрреализма тем самым актуализировал фрейдистскую идею о латентных желаниях, то применительно к целям исследования институциональных фракций образ «потайных ящичков» концентрированно воплощает характеристику реальной мозаичной гетерогенности современной общественной системы. Причем внутри каждого такого «социального ящика» формируется сложная система жестких перегородок между фракциями, как в библиотечном каталоге, что отражает действие процессов глубочайшей горизонтальной и вертикальной стратификации институтов, приводящих к диверсификации внутренних границ и повышающих уровень транзакционных издержек в рамках всего общества.

Вот как писал об этом Х. Кортасар: «Как будто каждый в своем стеклянном ящике... <...> ...Каждый в своей группке, каждый в своей стеклянной коробочке; но вот старик попадает под машину – и тотчас же все устремляются к месту происшествия, бурно обмениваются впечатлениями, критикуют, соглашаются и не соглашаются, и так – пока снова не пойдет дождь, и тогда камешки вернутся в бар к стойке, студенты за свой столик, иксы к иксам, а игреки – к игрекам» (Кортасар, 2004, с. 116–117). Экстремальные события выступают катализатором стихийной срочной организации агентов разных фракций, прекращающей свое функционирование после исчерпания институционального повода.

Актуальные тенденции фракционирования подтверждаются «отмиранием» общепризнанных норм и трансформацией их в узко групповые, клановые и фракционные. В итоге создается общество, где у всех свои правила, а правил для всех не существует; где каждый живет в своем узком институциональном «мирке»; где никому ни до кого, да и, по большому счету, до самого себя нет дела. Нарастают тенденции институционального (и, шире, социального) эскейпизма – ухода от активных действий, сопровождаемого потерей функции актора, снижением общественного значения человека до пассивного «материала», редукцией его роли от активного организатора и креативного новатора до пассивного регистратора внешних возмущений.

Происходит взаимное отчуждение агентов разных фракций, выражающееся в их безразличии, недоверии, антипатии, презрении друг к другу. В результате возникла и закрепилась обусловленная значительной фракционностью экстремальная фрикционность экономики, характеризующаяся чрезмерно высоким уровнем негативных трансакционных издержек движения в «вязкой» и «пористой» социальной среде.

Складывающаяся в рамках хозяйственной системы современной России совокупность институций и институтов, их субъектов, объектов и атрибутов справедливо характеризуется как генератор комплекса внутренних противоречий; мультипликатор цены трансформации для общества; аккумулятор выхолащивания реального содержания трансплантированных экономических институций и их реализации в превращенной форме; фиксатор инверсии социальных групп по статусу и доходу, месту и роли в воспроизводственном процессе. Система экономических институтов вновь и вновь запускает «механизм торможения», в условиях действия которого программируемый к 2010 г. двукратный рост ВВП значительно осложняется. Побочным эффектом при этом является высокий уровень институциональных потерь и убытков.

Полномасштабная деградация интегрирующих в масштабе всего современного российского общества институциональных атрибутов повышает уровень хозяйственных рисков для всех категорий акторов, стимулируя их к переводу трансакций в сферу реципрокных отношений на структурно-функциональной базе фракций и коалиций. Инструментом уклонения от высокого риска

недоверия к контрактам становится задаток (предоплата), роль которого снижается по мере стабилизации хозяйственной динамики. Однако элиминация этого инструмента затрудняется сложившимися институциональными механизмами «экономики задатка» в современной России, функционально интегрирующими в рамках бартерных «цепочек» специфические коммерческие технологии и «теневые» схемы, выдвигающие на передний план фигуру посредника.

Нельзя забывать о том, что любые институциональные феномены формируются реальным обществом. Низкое качество современных российских институций и институтов, высокий уровень фракционности экономики лишь отражают уровень зрелости общества, актуально сложившуюся меру его качества. Чаще всего сложившаяся негативная ситуация впоследствии многократно воспроизводится. Поэтому обществу необходимо перейти от институциональной дискуссии и критики к институциональной деятельности.

Низкая активность российского общества означает возрастание транзакционных издержек по управлению им, в результате чего институциональная рента растет у государства, а не у граждан. Ее источником выступает труд, а причиной – монополизация хозяйства, актуально охватывающая целые сферы деятельности (шоу-бизнес, финансы, управление, предпринимательство и др.). Раздробленное, фрагментированное, забившееся в «потайные ящички» фракций общество не в состоянии противостоять растущей монополизации, подрывая тем самым воспроизводственную базу будущих поколений за счет некомпенсируемого истощения экономического пространства современной России. Возникает общество, где, образно говоря, «каждый не на своем месте». Институциональная неадекватность в сочетании с организационной инертностью и дезинформированностью усиливает чрезмерную ресурсоемкость, обуславливает технологическую отсталость и несовместимость, выражается в доминирующей неразвитости и социальной апатии россиян.

Поскольку фракции включены в разнообразные процессы и механизмы внутри института, то высокий уровень фракционности, несмотря на сопровождающий его не всегда экономически обоснованный рост транзакционных издержек внутриинсти-

туциональной координации, не обязательно ведет к дезинтеграции и деструкции института, а напротив, может способствовать его укреплению, поскольку усиливается мотивация агентов по сохранению и защите «своих» институтов, в которых они извлекают доходы, получают поощрения, эксплуатируют статусную ренту, будучи вовлечены в систему фракционных отношений (см.: Мэтьюз, 2000, с. 66).

Трансакционные издержки фракционности институтов раскрываются в следующих взаимно обуславливающих аспектах:

- Экофункциональный компонент издержек фракционности связан с генерацией избыточных внутриинституциональных барьеров; повышением «вязкости» трансакционного пространства по причине роста издержек межфракционной мобильности агентов; типизацией и воспроизводством избыточных и дублирующих функций в рамках отдельных фракций, отстаивающих их вопреки интересам всего института; формированием оппортунистических тенденций в поведении агентов, их размежеванием по институциональным ориентирам, целям, интересам и нормам и др.
- Экоструктурный компонент трансакционных издержек такого рода отражает результаты процессов продуцирования в пространстве института точек и сфер его потенциальной дезинтеграции; диффузии социальных технологий кланирования, кликинга (объединения вокруг привычных неформальных связей), образования коалиций, альянсов и династий институциональных агентов; закрепления в форме рутин навыков ведения внутригрупповых реципрокных трансакций и др.
- Экогенетический компонент издержек фракционности характеризуют противоречия межфракционной динамики агентов; хроническое несовпадение темпов, ритмов и циклов обеспечиваемых ими операций и процессов; инерционность в следовании фракционным нормам и низкую восприимчивость к общеинституциональным новациям; разные стадии институционального развития фракций, обуславливающие многоукладную динамику института; взаимная подстройка планов агентами разных фракций в узких рамках своих структур, ведущая к дифференциации в представлениях о перс-

пективах развития института в целом и снижающая возможности сотрудничества; и др.

Направленная на оптимизацию уровня этих издержек стратегия управляемой (регулируемой) фракционализации должна быть основана на выявлении оптимальных комбинаций социализированных в рамках института функций в соответствии с планируемыми параметрами развития, его ориентирами, императивами и приоритетами. Траекторию развития институциональных организаций целесообразно конструировать с учетом всей композиции составных структурных элементов, многообразия их институциональных атрибутов (целей, потребностей, интересов, мотивов, фобий, норм, установок, понятий и т. д.), а не на базе ряда избранных «ключевых» компетенций (см.: Портер, 2000, с. 71).

Подтверждением актуальности теоретического осмысления природы и противоречивости институциональных фракций являются новые тенденции в маркетинге. Наиболее коммерчески успешные проекты последних десятилетий реализуются в альтернативном традиционной методике ключе, обоснованно игнорируя аморфные потребности и предпочтения членов «фокусных групп» и избегая обращения к помощи разного рода «звезд» в сферах политики, спорта, шоу-бизнеса и т. д. Современный клановый брэндинг ориентирован на работу со «сплоченными группами людей, создающими определенную субкультуру. Внедряя брэнд в жизнь клана, владелец марки завоевывает и массовую аудиторию, для которой этот клан обладает авторитетом в какой-то специфической области» (Котин, 2004, с. 54). Программы такого внедрения имеют долгосрочный характер, а среди применяемых методов — «партизанский» и «вирусный» маркетинг, спонсорские акции и «производство значимых событий», реклама в специализированных информационных каналах.

В частности, плеер «Sony Walkman» исходно был нацелен на сообщество роллеров как энергичных и мобильных молодых людей, притягательный имидж которых и желание к нему приобрести позволили этому товару завоевать популярность у «массового потребителя». Аналогично брэнд водки «Absolut» изначально проектировался в расчете на представителей модного гей-сообщества Нью-Йорка и Сан-Франциско, а кроссовки «Nike» — на игроков в уличный баскетбол (streetball). Агенты этих фракций

стали своего рода институциональными дистрибьюторами продукции указанных компаний.

Проблематичность внедрения кланового брендинга в России³ эксперты видят в том, что «российское общество еще не сегментировано. <...> ...Представляет из себя массовое общество, где пока не сформированы не только кланы, но и основные социальные классы» (Котин, 2004, с. 56). Такой вывод представляется недостаточно обоснованным. Напротив, причиной является чрезмерная фракционализация, множество чрезвычайно мелких фракций в отсутствие у них налаженных каналов коммуникации и признанного авторитета в современном российском обществе. Высокий динамизм фракциогенеза в России пока не позволяет их агентам устойчиво самоидентифицироваться и позиционироваться в социальной структуре, снижая эффективность выбора их в качестве целевого объекта прогрессивных маркетинговых технологий.

Человек ведет хозяйство не в одиночку, но и не «размывает» свою идентичность в безликом пространстве «сверхколлективной субъектности» (см.: Бьченков, 1996). Следует привлечь внимание к институциональному изучению ближнего окружения экономического актора, из которого он черпает и которому отчуждает недостающие ресурсы и факторы производства. Такое окружение создает вокруг актора своеобразную «защитную оболочку», амортизируя и буферизируя негативные акции из внешней среды, но в то же время оно замыкает хозяйственного индивида в некий «пояс верности», в значительной степени детерминируя его образ мышления, модель экономического поведения и стиль жизни, и, соответственно, канализируя его развитие. Структурно ближнее окружение акторов представлено различными формами институциональных фракций. Однако включенность агентов в их нормы недостаточно полно описывается концепцией «человека сетевого», поскольку показатель плотности ближних связей актора в рамках фракции намного выше, чем в рамках института в целом. К тому же огромная дробность фракций современного общества обуславливает дифференциацию их институционального содержания и атрибутивных характеристик.

Взаимная аттракция агентов одной фракции ведет к усилению фрагментации и углублению стратификации хозяйственной

системы. Замкнутые в нормы и правила своих клубов по интересам, вовлеченные во фракционные «репродуктивные круги» (см.: Рефлексивное крестьяноведение..., 2002, с. 390–391), индивиды во многом утрачивают чувство реальности, воспринимая ее в ракурсе «постмодернистского расчленения». Доминирующим принципом поведения, порожденным бурным фракциогенезом и сложившейся институциональной неопределенностью, в таких условиях становится «*capre diem*» («лови момент»), ориентирующий акторов на оперативную максимизацию индивидуальной полезности, представление о которой и ее оценка формируются в рамках «своих» фракций. Но такая гедонистическая модель поведения, характерная, в частности, для граждан Римской империи эпохи ее распада, не позволяет развиваться стратегически, кардинально редуцируя горизонты планирования и вынуждая жить иллюзиями, фантазиями, мечтами, вымышленными образами и искусственно конструируемыми имиджами. Именно такой образ жизни навязывается современной российской молодежи, так называемому «поколению next» с подорванной мотивацией к труду и доминирующей «мусорной» культурой хозяйствования.

Мутный и бурный поток фракционированной социальной реальности захватывает современного «человека институционального», которому вполне можно адресовать полные горечи слова Х. Кортасара о поколении «пропавших без вести»: «...не до мира тебе, если нет сил выбирать все время только настоящее и если все в тебе раскладывается по правилам и по порядку, как в каком-нибудь ящике из комода, и тебя кладут в одну сторону, воскресенья – в другую, материнскую любовь – в третью, новую игрушку – сюда, а туда – Монпарнасский вокзал, поезд и поездку, которую надо совершить» (Кортасар, 2004, с. 215).

Литература

- Асп Э.К. Введение в социологию. СПб.: Алетейя, 2000.
- Гайдар Е.Т. Экономические реформы и иерархические структуры // Гайдар Е.Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: «Евразия», 1997.
- Быченков В.М. Институты. Сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности. М.: Российская академия социальных наук, 1996.

- Джонс Л. Homo hierarchicus: опыт описания системы каст. СПб.: «Евразия», 2001.
- Кортасар Х. Модель для игры. М.: Изд-во «ЭКСМО»; СПб.: Изд-во «Домино», 2004.
- Котин М. Клановый брендинг // Секрет фирмы. 2004. № 44. С. 54–56.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I: Процесс производства капитала. М., 1951.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М., 1960.
- Мэттьюс Р. Информационная стратегия и семиотика // Экономические стратегии. 2000. Июль–август.
- Плесс Н. Управление культурным многообразием требует смены парадигмы // Проблемы теории и практики управления. 2000. № 2.
- Попков В.В., Берг Д.Б., Кузнецов Р.О. Эволюционное измерение стратегического банковского менеджмента. Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2002.
- Портер М. Конкуренция. М.: Издат. дом «Вильямс», 2000.
- Радкевич С. Что делать с Башмачкиным? (Политические партии и исполнительная власть) // Стратегия России. 2004. № 8. С. 88–93.
- Радкевич С., Тихомиров М. Клетки партийного организма // Стратегия России. 2004. № 5.
- Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева и др.; Под ред. Т. Шанина и др. М.: МВШСЭН: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.
- Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
- Суворов В. Аквариум. М.: Издат. дом «Новое время», 1993.
- Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск: ЗАО «Экономпресс», 2000.
- Commons J.R. Institutional Economics: Its Place in the Political Economy. New Brunswick: Transaction Publishers, 1990.
- Dosi G., Nelson R., Winter S. The Nature and Dynamics of Organizational Capabilities. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Fairchild E.M. The Function of the Church // American Journal of Sociology. 1896. Vol. 2. № 2.

---

¹ Понятие «фракция» происходит от лат. fractio – «разламывание».